

Времена Бессмертных

Автор:

Мишель Роман

Времена Бессмертных

Мишель Роман

Времена Бессмертных #1

Аврора живет в Византии, городе из недалекого будущего, где бессмертие лишь вопрос денег. После похищения судьба девушки навсегда изменится, она узнает настоящую цену жизни и любви. Это начало ее истории. Истории о доброте и наивности, уничтоженных предательством. Узнай, как из прекрасного создания родится монстр!

Мишель Роман

Времена Бессмертных

«Никто не должен жить вечно, но хотели бы все».

Посвящается моей дорогой бабушке.

Пример твоей любви, навсегда в моем сердце.

1576 г. Гартман, Р. Норман и У. Гильберт открыли явление магнетизма.

1600 г. Появление термина «электричество».

1628 г. У. Гарвей изучил кровообращение млекопитающих.

1661 г. Первое понятие химического элемента.

1796 г. Э. Дженнер разработал первую в мире вакцину от оспы.

1825-1828 гг. Появляется понятие классовой борьбы.

1859 г. Ч. Дарвин теория естественного отбора.

1901 г. К. Ландштейнер открыл четыре группы крови.

1929 г. Первый антибиотик – пенициллин.

1948 г. Н. Винер создал основы кибернетики.

1988-1989 гг. Открытие гигантского магнитного сопротивления.

2015 г. Идея создания магнитных колец, как нового средства транспортировки.

2097 г. Первый удачный эксперимент замедления старения клеток живого организма.

2110 г. Дориан Блэк изобрел Яд бессмертия.

Пролог

Так и вижу себя со спины, входящего в старую церковь, которая, к слову, давно потеряла конкретный ориентир веры. Из-под черной куртки выглядывает воротник клетчатой рубашки, каким-то образом, мне кажется, эта деталь моего внешнего вида успокаивает незнакомцев. Такой себе «свой парень», работающий, как и все в поле собирая урожай, приходящий вечером домой к молодой жене и уж точно не таящий ничего опасного. Вопросы к себе: кто я такой на самом деле, хороший ли я, звучат не так громко, когда вспоминаю цель всего.

Внутри церкви около сотни прихожан, на первый взгляд они похожи на меня: обычные хорошие люди кому не повезло родиться в Византии, выживающие каждый божий день и пришедшие в этот поздний час услышать прекрасную речь духовного наставника, способного вселить веру в завтрашний день. Занимаю свободное место почти у самой двери выхода. Я не вижу всех прихожан, но зато трибуна откуда начнет вещать Мэйси прямо напротив меня.

Я и Мэйси любовники, я был вынужден рекрутировать ее, но наша встреча перелилась во что-то большее. Даже слишком. Мне только исполнилось двадцать девять, гормоны еще не перестали бушевать, и когда встретил Мэйси впервые, сразу же осознал, что хочу ее. Хочу со звериной страстью, которой, признаюсь не было даже с законной женой, родившей мне первого ребенка. Я люблю жену, правда, но Мэйси заставляет меня чувствовать что-то гораздо более масштабное, опасное. Мы будто водитель и пассажир с тайными злыми умыслами оказавшиеся в одной машине, один – хочет влететь в стену на высокой скорости, другой – ограбить.

– Здравствуйте, братья и сестры. Кровь моя вашим устам, плоть моя – голодному животу ваших детей. – Начинает обычным приветствием Мэйси свою проповедь, кстати она сама ее придумала. Ее всегда восхищала история сына Божьего, отдавшего себя во имя неблагодарного человечества. Ирония станет явной чуть позже.

– Знаю, многие из ваших родных и друзей против церкви Божьей, но не судите слепцов и глухих, ибо не грехом ведомы их мысли, но человеческим заблуждением и слабоволием. Скоро уже никто не сможет закрыть глаза и сделать вид что ничего не происходит. – начинает давить на публику Мэйси, и та поддается, кивает головами и причитает. – Неужели это дьявол набросил пелену им на глаза, неужели люди Окраины не находят в себе сил признать, что идет великий мор? Братья наши пропадают прямо из своих домов! Нет счета потерям,

но те же родные и друзья что препятствуют вашему пути к Богу, постыдно молчат, боясь говорить о начавшейся войне вслух!

Пара человек вскакивает со своих мест и стоя аплодирует Мэйси, она их голос, она голос того самого Бога, который спасет от банального ужаса исчезнуть и больше не вернуться. Единственная, кто не боится говорить о происходящем.

– Наши враги возжелали стать богами! Они обманули смерть, извратив саму суть Божьего дара жизни. Но кара за это пала на нас... – Мэйси поднимает деревянную кружку, наполненную разбавленным водой вином. Все до последнего прихожанина повторяют за ней. Молодая женщина делает вид что отпивает из кружки. Паства выпивает до дна.

– Поднимите руки те, кто тайно явился сегодня под крышу дома Божьего, чтобы услышать голос мой, ведущий вас через тьму.

Мэйси обводит взглядом поднявших руки людей, убеждается что их приход сюда был скрытным. Затем, я вижу, как на пол падают прихожане в первом ряду, далее отключаются трое передо мной. Темнокожая пожилая женщина с огромной шляпой из цветов начинает надсадно кричать, первая, осознав, что вокруг творится хаос. Она смотрит на падающих без сознания людей, ее друзей и соседей, как и она пришедших к Мэйси за спасением. Испуганный взгляд старушки останавливается на мне, дабы ее последние минуты не прошли в ощущении катастрофы, я по-доброму улыбаюсь в ответ, затем шепчу «все будет хорошо». После этого она закатывает глаза и шумно валится сначала на стул, потом на деревянный пол. Шляпа из цветов разваливается, обнажая седую голову.

Через пару мгновений в зале на ногах стоим только я, Мэйси и молодой парнишка. Последний начинает осознавать всю чудовищность своего положения. Он кидается бежать через всю церковь к выходу неподалеку от меня, но на пол пути движения его замедляются, юноша сгибается пополам и следуя за остальными теряет сознание.

Нам больше не зачем разыгрывать спектакль, я иду, переступая через тела прямо к Мэйси. Коварной, убедительной, талантливой Мэйси, чье имя вскоре мне с горечью придется забыть. Этой ночью наши пути разойдутся навсегда.

– Должно было явиться на десять человек больше, но слухи о пропажах не всегда идут нам на руку.

– Зато они никогда не догадались бы, что это кто-то отсюда, с Окраины. – одной рукой держу ее за талию, другой убираю прядь длинных черных волос со лба.

Как же она красива. Я убью часть себя, убив ее.

– Ты как-то по-другому сегодня на меня смотришь. – замечает Мэйси. – Надеюсь, я не сделала что-то расстроившее тебя или вызвавшее трудности в работе?

Молчу. Не хочу открыто лгать ей в самом конце.

– Идея со снотворным добавленным в вино была хороша. – хвалит Мэйси, и тут ее взгляд начинает мутнеть, девушка валится мне на грудь.

– Оно было не в вине. – отвечаю ей честно, указывая глазами на большой чан со святой водой, откуда все прихожане, включая саму Мэйси испили получасом ранее. – Я стану Организатором, мне приказали оборвать все связи, если хочу повышения и возможность даровать бессмертие семье.

Стою на коленях, Мэйси на моих руках. Взгляд потерянный и испуганный, собрав последние остатки сил, моя любовница произносит:

– Не делай этого... Я беременна, Джеймс! Ты снова станешь отцом...

Глава 1. Аврора

Моей дорогой подруге.

Когда-то давно, когда солнце было ярче, а звезд на небе чуточку больше, родилась ты, моя неизвестная смертная подруга. Я почти уверена, что ты реальный человек, когда-то живший на земле. Допустим... в году этак, две

тысячи девятом... Не знаю, люблю девятки: они на одну цифру перескакивают бесконечность.

Я еще не решила, как тебя звали или в какой стране, ты жила, твой цвет кожи, выбор, что носить каждый день... Понимаю, прочитав это, ты сочла бы меня странной, но поверь, в том времени, в котором живу я, все совсем иначе.

Ну, к примеру: все живущие в Византии, не имеют права носить одежду других цветов, кроме белого! Да, да, безумие какое-то. У вас ведь все было иначе, целая радуга! Просматривая старые фильмы столетней, двухсотлетней давности, я просто изумляюсь тому, каким разноцветным был ваш мир и насколько он обесцветился к моменту моего рождения.

О, Дориан Великий! Представляю, как ты читаешь мое письмо, и удивление все больше отражается на твоём лице. Наверно, какая-то окоlesiца, верно? Ничего, со временем, с каждым новым письмом ты поймешь, вернее, поняла бы...

Давай для начала, я расскажу тебе о месте, в котором живу. Так ведь поступали в твоё время – делились впечатлениями и рассказами о чем-то личном!!!? Три восклицательных знака... даже я кажусь себе странной, просто это от перевозбуждения, я бы все подчистила, убрала лишнее, то, что как думаю, тебя смутило бы, но настоящую бумагу в наше время тяжело найти, одни персональные планшеты и прочие ультрасовременные гаджеты. Не суть важно! И так – Византия.

Один из двадцати семи бессмертных городов, второй по значимости после Олимпа. В 2200 году официально не стало ни стран, ни республик, ни прочих территориальных делений, тысячелетний уклад жизни одновременно (в масштабах всей истории человечества) сменился новой эпохой. Эту эпоху в истории принято называть Временами Бессмертных... О, Дориан Великий, я снова отклоняюсь от того, о чем хотела рассказать... просто столько информации, которую ты не знаешь! Хорошо, обещаю, дальше буду последовательней.

Чтобы тебе стало ясно – Византия это как отдельное государство, огромное по своему масштабу, здесь проживают миллионы людей уже ставшие Бессмертными, или только готовящиеся к Церемонии Перехода (об этом позже).

Вся Византия делится на три уровня: первый и самый низший – там, где живут обычные Смертные уже не имеющие шанса обрести вечную жизнь, они выполняют всю грязную работу, и выше своего уровня никогда не поднимаются, а мы не спускаемся к ним. На втором уровне (и это в прямом смысле выше) живут состоятельные люди, чаще всего те, кто занимают посты в правительстве и чьи дети вскоре пройдут через Церемонию Перехода. Я одна из них. Ну и третий, самый высший уровень – это элита общества, богатейшие семьи Византии, чьи дома располагаются на верхних этажах небоскребов...

О, Дориан Великий, носы этих ребят подняты так высоко, что они наверняка знают как пахнут облака. Не хочу становиться похожей на них, но от меня мало что зависит... Я рождена стать Бессмертной.

Уже совсем скоро через Церемонию Перехода пройдет моя лучшая и единственная подруга Афина. Замечательнейшая девушка, божественной красоты пусть и немного ветреная (я бы даже осмелилась назвать ее легкомысленной), но она настолько мне дорога, что ради ее благополучия я бы пожертвовала своим. Знаешь почему? Она рядом со мной, когда почти никого нет. Я совсем не популярная... Не особо симпатичная, обычная такая двадцатилетняя девушка, на которую мало кто обращает внимание.

Афина другая. Полная противоположность мне. Когда она заходит в класс (не удивляйся, что в двадцать мы еще учимся, система образования так же претерпела глобальные изменения), и парни и девчонки инстинктивно оборачиваются на нее. Конечно... Золотые локоны, фарфорово-бледная кожа (словно она уже стала Бессмертной) и таинственный взгляд ярко-зеленых глаз. Все это моя Афина, дружба с которой хоть как-то выводит меня из тени.

Все дело в том, что наши семьи были дружны еще до момента нашего рождения, и, само собой мы проводили много времени вместе. Сколько себя помню, Афина была рядом, что бы со мной не происходило! Вот было бы здорово тебя с ней познакомить...

Ты спросишь, зачем я пишу это письмо воображаемой подруге из прошлого, если в настоящем у меня есть такой замечательный товарищ? Все просто: мне одиноко. Афина, конечно, моя лучшая подруга, но я чувствую, что с каждой нашей встречей она становится все дальше, мы слишком разные. И рано или поздно (в моем времени это очень относительные понятия) я останусь совсем одна.

Хочу рассказать тебе о том, что со мной случилось вчера. Собственно из-за этого мне и захотелось тебе написать, чтобы поведать то, о чем не могу сказать вслух. Есть у нас один красавчик по имени Парис, притягательной наружности парень, но совершенно искореженный внутри. В два острых слова он ставит выскочек на место, улыбкой заманивает девушек на ночь и поговаривают, в своем юном возрасте он самостоятельно обеспечил себе Церемонию Перехода, на что иные люди, вроде моего отца, зарабатывали всю жизнь. Так вот, Парис предложил мне встретаться, и я совершенно уверена он сделал это искренне; я и раньше замечала его странный интерес ко мне. Ты скажешь: так значит радуйся, и скорее соглашайся, но... В общем... Я отказала ему.

Представляешь? А ведь в него даже Афина когда-то была влюблена, но дальше одной ночи у них не пошло. А он вдруг выбрал меня. И я задумалась: что Парис во мне нашел? И тут же появился другой вопрос: а что он искал?

Когда я ответила ему отказом, его лицо покрылось красными пятнами: уж точно этому парню не часто приходилось слышать от девушки «нет», и не найдя что еще сказать он ушел к своим друзьям. Меня в мгновение одолел страх: не совершила ли я ошибку, не отвергла ли совершенно чудесный (для большинства девушек) шанс!?

Разум болен сомнениями. Но мое сердце... оно безмолвно велит мне ждать.

Да и в конце концов: что такое ожидание для той, кому уготована вечность?

Знаешь, мне теперь не просто будет смотреть Парису в глаза; ну кто я такая, чтобы отказывать одному из самых привлекательных молодых людей Византии, надеюсь, что во время завтрашней экскурсии смогу с ним объясниться.

О, это будет интереснейшее путешествие данного курса. Мы отправляемся на Окраину Византии, к Смертным! Такое случается, поверь мне очень и очень редко.

Поговаривают, они настоящие дикари, вроде тех, что вместо одежд носят шкуры и готовят дичь на открытом огне! Ух, ты! Жду не дождусь завтрашнего дня. Наверное, нас повезут на специальных наземных транспортах, мимо их пещер, откуда они испуганно и в то же время воинственно будут выскакивать, услышав

гул двигателей. Быть может нам даже позволят взглянуть на этих бедняг с небольшого расстояния, и, увидев людей облаченных в белые одежды, дикари сочтут нас ангелами.

Да... было бы превосходно! Меня ждет увлекательное путешествие в первобытный мир.

У меня осталось совсем мало места на листке, так что я прощаюсь с тобой, как только раздобуду еще бумаги, тут же напишу об экскурсии на Окраину.

P.S. Я не сумасшедшая. Я одинокая.

Твоя Аврора.

Чернильная ручка, которой я писала это письмо, выскользывает из моих пальцев и, описав полукруг, падает со стола. Я не спешу ее поднимать. Просто сижу без движения и думаю о человеке, которого, может быть, никогда и не существовало. Желание писать возникло будто бы из ниоткуда, словно какое-то наваждение. Случилось это, когда мы с Афиной по приглашению Париса пришли его навестить.

Афина тогда сказала, что Парис занимается чем-то совершенно уникальным, и я грохнусь в обморок от изумления. Конечно же, я была в предвкушении и согласилась пойти с ней (тогда я еще не знала, что вскоре он попросит меня встретиться и я, даже к собственному удивлению откажусь).

После занятий мы сели в магнитомобиль Афины, и она помчалась по тринадцатому транспортному кольцу к вершине здания Свободы, где располагались апартаменты Париса. Вообще-то слишком разгонятся на магнитомобилях нереально, но обезбашенные богатенькие детки вроде моей Афины, незаконно устанавливают двигатель, работающий на закиси азота, отчего мирно передвигающийся мобиль, начинает гнать по дороге.

Мы мчались с такой скоростью, что мне казалось, будто наш магнитомобиль вот-вот соскользнет с дороги и понесется вниз, с этой чудовищной высоты. Даже хотелось, чтобы нас, наконец, остановили Стражи, и мое сердце в груди

перестало так колотиться.

Я жутко боялась, но в то же время ощутила незнакомое мне раньше ощущение свободы и полета. Словно бы привычный мир, в котором я жила, на какие-то минуты лишился своих границ, и я узнала что-то совершенно новое.

Когда мы влетели на платформу стоянки, и движение, наконец, прекратилось, Афина взглянула на меня с улыбкой, а я просто сидела с открытым ртом, в глазах выступили слезы восхищения, пальцы продолжали впиваться в приборную панель. Установленный в магнитомобиле датчик, отслеживающий физические параметры водителя и пассажиров, сработал мгновенно, наверняка забеспокоившись из-за моего учащенного сердцебиения, и предложил вызвать медицинскую помощь. Я расхохоталась, теперь уже немного оправившись от сумасшедшей поездки.

– Никогда! Никогда! Никогда больше, не смей так делать! – спрятав покрасневшее лицо в ладони, приказала я Афине. Подруга переключила мобиль в автономный режим и развернула водительское кресло, оббитое белой кожей ко мне.

– Брось, Рори, я знаю лица людей, которые тащатся от быстрой езды, что-то вроде фетиша и ты одна из них. Черт, да ты еще та кайфовщица! – она иногда так смешно разговаривает, словно играет роль крутого бандита из старинных фильмов, что носили на голове повязки и имели на коже десятки татуировок. Когда флиртует с парнями, она другая, вся из себя такая кошечка, но со мной она может не претворяться и просто дурачиться, когда ей вздумается.

Будет жаль, когда все это пройдет.

– И ни капли я не кайфанула – я попыталась симитировать ее манеру речи, но вышло не слишком удачно – Я думала: еще круг и описуюсь!

– Рооррри! Тебе уже двадцать, ты, мать твою, скоро станешь Бессмертной, понимаешь Бессмертной, что нереально круто, если хорошенько задуматься, а ты продолжаешь вести себя как тринадцатилетка! Ты просто убожество, тушите свет, как говорится! – махнув на меня рукой, Афина схватила с заднего сиденья свою исключительно божественную дизайнерскую сумочку, украшенную белыми камнями и покинула салон мобиля.

Конечно, она шутила. Ничего такого она не имела в виду, обзывая меня убожеством (чтобы это понимать, нужно очень хорошо знать Афины), но я все равно задета. Не из-за самого слова или той надменности, с которой она это произнесла...просто...это показалось мне правдой. Я убожество. Совершенно нескладная, малосимпатичная, глупая девчонка, перепугавшаяся до смерти быстрой езды.

– Уж и не знаю теперь, стоит ли показывать то, чем занимается Парис. – снова примерив образ гангстера, бросила Афина слова, возвышаясь надо мной, будто готовая вот-вот нанести удар.

– Если хочешь, я могу поехать домой... – волочась позади нее, тихо предложила я.

Подруга, даже не обернувшись, сделала странный жест рукой, вроде давая понять что ей, в общем-то, наплевать. Мы шли, не разговаривая до самого лифта, клацанье острых каблучков Афины нарушало тишину пустой стоянки. Я смотрела на нее со спины и чувствовала, как зависть шевелится внутри меня, с каждым ее непринужденным движением я понимала, что она лучше. Красивей. Остроумней. Храбрее... Понимаю, что не должна этого ощущать, ну или хотя бы стараться перестать думать так, но от этого мое отвращение к себе только возрастало.

Меня вообще кто-нибудь полюбит? Нравлюсь ли я людям?

В кабинке лифта пахло чистящим средством. Такой идеальный, мягкий запах, как будто говорящий о том, что все в порядке, все под контролем, и я...я...

Я не хочу этого чувствовать, весь этот контроль меня приводит в бешенство! В моей душе стал зарождаться бунт, и причина его мне была совершенно неясна, но одно я могла сказать точно: я хочу все изменить.

– Церемония уже скоро. – заговорила Афина, пока лифт мчал нас на верхний этаж здания Свободы. – И я хочу прочувствовать все по максимуму. Сама же знаешь, на курсах нам рассказывали о том, что будет, происходит с нашей психикой, после Перехода.

– А ты прочувствовала еще не все? – стараясь вложить в слова иронию, подначила я.

– Как-то страшновато смотреть в лицо вечности. Я изменюсь... Может быть, даже стану по-другому смотреть на привычные вещи. – Афина говорила искренне, не прячась за неестественностью, и я разделяла ее опасения. Они были мне понятны, потому что я сама до сих пор не была уверена, хочу ли совершать Переход.

– Ты можешь отказаться. Пока еще не поздно.

– Не говори глупостей, Рори, сама знаешь, сколько это стоит! – она тут же стала прежней, в мгновение, убедив себя в циничности.

Лифт плавно остановился, и за раскрывшимися дверями показалась прихожая дома Париса. Афина вышла, я за ней. Квартира просто с ног сшибательная: наполненная светом, с минимумом мебели. Из-за огромного количества панорамных окон складывается такое впечатление, что стоишь на вершине холма и твоему взору открыта вся Византия с ее величественными зданиями и переплетением магнитных колец. Я бы смогла жить в этом доме!

Из дальней комнаты вышел Парис и, разминая плечи, направился к нам. На нем лишь узкие светлые брюки – похоже верхняя одежда у него не в фаворите. Парис отлично сложен; при ходьбе мускулы напрягались, от чего он выглядел сверхмужественно. Как сказала бы Афина: «чистый секс». Поймав себя на том, что люблю его торсом (причем слишком откровенно), поспешно отвела взгляд. Но как только он оказался рядом с нами, мне пришлось взглянуть ему в глаза, приветствуя.

Парис смотрел на меня в упор. Так, словно ждал давно. От этого я почувствовала себя неуютно, но глаз не опустила. Он очень и очень привлекательный молодой человек, одни милые ямочки на щеках чего стоят! Но главная его ловушка – глаза. О, Дориан великий, он даже с тобой мог бы посоревноваться за звание красавчика!

– Ух, ты! У нас намечается вечеринка? – криво улыбнувшись, спросил парень, окинув нас обеих игривым взглядом.

– Только если ты обещаешь не надевать рубашку. – прильнув к груди Париса, мягко сказала Афина (облапав наверное все восемь кубиков его пресса).

Парень будто смутившись, отстранился от моей подруги, хотя это совершенно не соответствовало его репутации дамского угодника. Он, занервничав, стал искать моего взгляда, но я не хотела встречаться с ним глазами, наверное, подсознательно я уже знала, что он ко мне не равнодушен и его симпатии я не разделяю.

Он сделал жест рукой, приглашая нас пройти в огромную гостиную, в которой центральное место занимала исполинского размера люстра, весящая не на потолке, а приделанная к полу. Зрелище весьма необычное, и входя в гостиную впервые, складывается обманчивое впечатление, что мир вдруг повернулся вверх тормашками. Про себя я подумала о том, как выглядит эта комната в часы сумрака, когда приходится зажигать свет и люстра пылает тысячами лампочек, превращаясь в маленькое солнце.

– Не тяни! Показывай уже свою чудо-машину! – плетясь позади Париса, заныла Афина.

Я шла за ней, молча разглядывая причудливое жилище моего старого знакомого. Мне казалось совершенно необычным то, что я узнаю его жизнь изнутри только сейчас, хотя знакомы мы уже довольно давно. Узнавать человека оказывается все равно, что читать интересную книгу, вот только чаще всего обложка не соответствует содержанию.

Вслед за Парисом мы вошли в небольшую комнату, подсвеченную четырьмя напольными лампами, центральное место занимало внушительных размеров кресло с мигающими позади датчиками. Афина разочарованно выдохнула, она явно ожидала увидеть что-то более впечатляющее.

– Это и есть та самая, невероятная технология? – девушка сделала несколько шагов к оббитому черной кожей креслу, но Парис резко ее остановил.

– Это только средство. Главное то, что оно может тебе подарить! – он отпустил ее и, приглашая, указал раскрытой ладонью на сидение.

Недоверчиво оглядев кресло опасного цвета, (черный считается враждебным) Афина осторожно в него опустилась. Скорее всего, слова Париса о том, что не нужно недооценивать его новобретение, подействовали, потому что девушка выглядела весьма напряженной.

– А что вообще со мной должно произойти? Я кайфану? Или поучаствую в групповухе, при этом оставшись нетронутой? – иногда, когда Афина говорит, мне хочется провалиться сквозь землю от неловкости.

– Нет, детка, тебе просто нужно будет вообразить себе что-нибудь. – Парис осторожно надел Афине на глаза черную маску, на подобие той, что используют для сна и что-то переключил позади спинки кресла.

Я ждала. Не знаю, что я воображала может произойти. Может быть, как стены в мгновение ока исчезнут, и мы окажемся посреди дикой природы, той, о которой нам рассказывают на курсах природоведенья. Как животные всевозможных форм и размеров будут отовсюду на нас тарашиться, прячась за высокой травой и пальмами...

А может все вообще должно происходить совершенно не так. Вдруг, как выразилась Афина, эта самая «чудо-машина», работает по другому принципу, и, скажем, превращает человека в нечто сверхъестественное! И Афина могла бы превратиться скажем в...в покрытое язвами чудовище!

Пора было понять, что я слишком увлекаюсь чтением старинных сказок.

Я внимательно следила за выражением лица подруги, за ее ерзаньем в кресле. Поначалу все было вполне обычно, она, кажется даже, собиралась вновь отпустить одну из своих сальных реплик, но в секунду девушка напряглась всем телом, губы ее стали медленно расползаться в улыбке. Что она видела? Я могла только догадываться. Афина вертела головой, словно следила за чем-то интересным невидимым взором, я прикусила губу, чтобы не начать задавать рвущиеся наружу вопросы.

Обратив внимание на Париса, заметила, как довольнo он улыбается, должно быть ему очень льстило, что он обладает данной технологией, суть которой для меня по-прежнему оставалась загадкой.

Блуждания Афины в видимом только ей одной мире, похоже, завершилось, потому что Парис снова что-то переключил за спинкой кресла и медленно стянул с лица девушки маску. Улыбка так и осталась приклеенной к ее губам. Глаза подруги сияли восхищением, она словно бы еще не отошла от сна, с удивлением рассматривая комнату, в которой будто впервые очутилась.

- Уау-у-у-у! - приходя в себя, протянула Афина. Она смотрела на меня, говоря: ты не представляешь, что со мной только что произошло.

- Ну и как, впечатляет? - улыбаясь одним уголком рта, самодовольно поинтересовался Парис. Он стоял в нескольких шагах от меня, и при желании я даже могла бы почувствовать, как пахнет его тело, но даже от одной мысли об этом мне стало неловко за себя.

Да что со мной не так? У меня никогда не было парня, гормоны должны сходить с ума при одном лишь взгляде на этого красавца, но я словно заблокирована.

- Что это было, а? Черт возьми, я словно бы...я... это было как взаправду!

- Это и было взаправду, только целиком в твоём сознании. Что ты представила? - скрестив руки на груди, любопытствовал парень.

- Помнишь урок природоведенья, когда нам рассказывали о Сауре и её цветении? - обратилась Афина ко мне. Я утвердительно кивнула. - Почему-то я представила именно эти сады, запах исходящий от лепестков, солнце, проблескивающее сквозь ветки! И я очутилась там, всем телом я чувствовала, что нахожусь в этом месте, могу поклясться, что дышала тем ароматным воздухом! Твою ж мать, Парис! Что ЭТО, машина времени, телепорт?

- Пока я не изучил эту штуковину полностью, не могу ответить точно. Но знаю наверняка, что это ловушка сознания, что-то наподобие обычной проекции.

- Но я ведь... - начала Афина. - Эй, красавчик, я что, была подопытной в твоём чудо-кресле?! - изобразила злость подруга.

Парис предложил и мне попробовать себя в иллюзорной реальности, но я вежливо отказалась. Правда, возвращаясь домой, я всю дорогу представляла

себе, где хотела бы очутиться. Даже начала размышлять о том, так ли нереально это путешествие, ведь на курсах по современной философии, нам говорили о том, что ничто не проходит бесследно и каждая мысль может стать материальной.

Тогда-то я и придумала писать письма другу из прошлого, а потом принести письма с собой в кармане брюк, когда отважусь сесть в чудо-кресло Париса. А вдруг мои послания, прогулявшись по вселенной, дойдут до адресата? Никто бы и никогда не стал думать о подобном, но я не все.

Я слышу, как папин магнитомобиль въезжает на платформу, а через пару минут открываются двери лифта и он вваливается в гостиную. Он снова в этом своем, странном состоянии: на одну половину заполнен печалью, на другую спиртным.

Первые годы после смерти мамы и брата, он держал себя в руках, полностью ушел в работу и мы почти никогда не разговаривали о случившемся, но чем старше я становилась, тем тоньше оказывалась его броня, отделявшая от горя.

Лет в шестнадцать-семнадцать я остро нуждалась в общении с ним, мое ощущение полного одиночества с каждым проходившим днем казалось нестерпимее. Я пыталась заговорить, наваждением стала идея узнать все о гибели моих близких, это начало пугать даже меня саму, но папа оставался немногословным. И я сдалась. Со временем прошел и страх одиночества, и желание во что бы то ни стало узнать детали трагедии. Мои чувства словно бы на время исчезли, уступив место обычным правилам будних дней. Так оставалось до того самого момента, как я взяла в руки чернильную ручку и положила перед собой листок бумаги.

Почему это стало так важно для меня? Чем это стало для меня?

Отец, молча, проходит через всю гостиную и падает в объятия огромного дивана, оббитого искусственной белой крокодиловой кожей. Теперь он делает так очень часто; раздвигает шторы, закрывающие панорамное окно и, не говоря ни слова, смотрит на мерцающие в темноте высотки Византии. Я почти слышу как не спеша, одна за другой в его голове шагают мысли. Какие тайны живут в его черепе, сколько правды о гибели мамы и брата таится в недрах его сознания?

Я никогда не задаю вопросов. Папа живет в своем безмолвном мире, а я в своем. Ужин я готовлю сама, как раньше делала для него мама, заказывать еду в Службе Питания для нее было неприемлемо.

Разогреваю и подаю тарелку с овощами и курицей отцу. В его правой руке бутылка с пойлом (хотя конечно нельзя так обзывать дорогое виски), и первые секунды он не уделяет моему ужину должного внимания, но заметив, что я жду пока он начнет есть, папа берет тарелку из моих рук.

- Какие-то мы с тобой слишком молчаливые. - вдруг констатирует он. - А с другой стороны, почему все и всегда должны без умолку трепаться?

Я присаживаюсь рядом с ним и стараюсь увидеть Византию его глазами, через толщину его мыслей. Что-то важное должно прозвучать из его уст. Я чувствую.

- Я всегда хотел подарить тебе главное - вечную жизнь и молодость. Я работал как проклятый, шел на должностные преступления, даже воровал... Церемония Перехода великое и жестокое событие современности. Как прекрасно знать, что твой ребенок сможет жить вечно и как жестоко понимать, что тебе может не хватить денег, за это заплатить.

Папа надолго взял паузу. Мое сердце учащенно бьется, угрожая разогнаться до такой скорости, что пробьет грудную клетку и выскочет наружу. Я боюсь того, что он мне может сказать, я, словно вхожу в такую причудливую комнату, выхода из которой мне уже не найти.

- Аврора, я официально заявляю, что твоя Церемония Перехода состоится. Сегодня я все оплатил, тебя девочка моя, ждут тысячелетия! Скоро ты станешь Бессмертной.

Отец прижимает меня к себе и торжественно улыбается, я вижу его искривленное отражение в стекле окна напротив. Я словно забываю, как дышать. Воздух точно бы навсегда исчезает из моего мира.

Бессмертие... Вечность в одиночестве?

Глава 2. Аврора

Открываю глаза. Будильник не звонил, но я по привычке просыпаюсь рано. Уходя, папа поднял жалюзи, и теперь яркий белый свет затапливает комнату. Какие-то секунды я вспоминаю, кто я такая, какой жизнью живу и, последнее, из того, что помню.

Моя Церемония Перехода состоится...

От этого ослепительно-тяжелого света, мне кажется, я задыхаюсь, словно тяжелые прямые лучи уничтожили весь кислород. Прогнав воспоминания о сне, сажусь в кровати и принимаюсь размышлять о том, что меня ждет.

Совсем скоро мне исполнится двадцать один год, а значит, настанет время, когда я смогу стать Бессмертной. Можно было бы, конечно, сделать это и раньше; некоторые совершают Переход в двадцать и даже девятнадцать, но никогда позже. Обусловлен такой запрет тем, что к двадцати одному году человеческое тело на пике своего развития, мы достигаем золотой середины нашего взросления, и Яд Бессмертия действует. А если принять яд позже...

Лично я никогда не слышала ни от одного своего знакомого, что конкретно произойдет, но уверена на все сто процентов – хорошо это не кончится.

Церемония Перехода существовала уже тогда, когда отец и мама были юными, но их семьи не могли позволить себе оплатить бессмертие. Поэтому мои родители потратили всю свою жизнь на то, чтобы мы с Дио совершили Переход и если бы не страшная трагедия (деталей которой я до сих пор не знаю), очень скоро заветная мечта предков обязательно бы исполнилась.

А так... все разделилось надвое, и их мечта исполнится не полностью. Мама. Дио. Папа. Единственные по-настоящему близкие мне люди, либо уже ушли, либо скоро уйдут... Анализируя это, я понимаю, почему так сильно неуверенна в том, что хочу обрести вечную жизнь.

Вечность! Никто толком не вдумывается в это слово, а ведь оно гораздо масштабнее и ужаснее чем, кажется. Все равно, что изо дня в день питаться

только одной овсяной кашей, сидеть в одной пустой комнате, ждать понапрасну дорого человека, который никогда не придет. Удивляюсь иногда консервативности своих взглядов, но я считаю, что мы не должны жить вечно, что это противоестественно... У всего есть начало и у всего должен быть конец. А так, бессмертие – это дорога к цели, которая вдруг стала бесконечной. Тоскливо, если вдуматься.

Чем дольше держу свое тело в постели и углубляюсь в размышления, тем осознанней становится решение отказаться от Перехода. Пусть я и одна из немногих, кому предоставляется шанс жить вечно, но мне он не нужен. Жить и проживать жизнь – это очень и очень разные вещи. Интересно... из всех этих Организаторов Церемонии Перехода, правителей, властей, и тех, кто обрел вечную жизнь, хоть кто-нибудь однажды задумывался о том, что могло бы ждать после смерти, если бы они остались обычными людьми?

Неужели ни один из них не оставил места для Бога, для рая? Неужели никто больше в этом мире не боится и ему незачем просить высшие силы о прощении? Какая-то ненастоящая жизнь окружает всех этих «персонажей»; притупленные чувства, в буквальном смысле отравленные тела, одинаковые белые одежды... Ненастоящие! Я же хочу другой судьбы для себя, но... все больше начинает казаться, что твердая поверхность под моими ногами осыпается, и я очень скоро сорвусь.

На прикроватном столике требовательно мерцает планшет, что означает: мне пришло новое сообщение. Это может быть только один человек. Откидываю в сторону одеяло и беру в руки гаджет. Кликаю на послание, и передо мной появляется трехмерная проекция лица Афины.

– А ты симпотяжка по утрам! Только не отвечай мне, сначала почисти зубы! – подруга притворно морщится. Я даже не пытаюсь отвечать, связь односторонняя. – Надеюсь, ты еще в кровати, потому что новость сногшибательная! Парис и его приятели пригласили нас в Неон! Можешь поверить?! – голограмма слегка искажается, когда Афина победоносно начинает пританцовывать, отчего ее лицо расплывается на пиксели. – Сегодня в семь. И надень то платье, которое я подарила тебе на двадцатилетие!

Девушка игриво подмигивает и проекция исчезает. Почти минуту я сижу без движения, осознавая сказанное Афиной. Нас пригласили в самое потрясающее, самое элитное питейное заведение Византии! Обычно там развлекаются только

новообращенные Бессмертные, ну или те, кто живут на третьем уровне и должны вскоре пополнить ряды «перешедших». Ребята на курсах то и дело треплются о том, как им хочется побывать в Неоне и попробовать «Фликер» – фирменный напиток заведения, имеющий чуть ли не наркотический эффект.

Так же попасть в Неон многие хотят и потому что, знакомства, заведенные там, гарантируют тебе поддержку в «верхах» и возможность получить хорошо оплачиваемую должность. А уж силу денег в Византии нельзя переоценить! Но ко мне, дурманящие голову напитки, престижные знакомства и прочая ерунда не имеют никакого отношения, я хочу попасть в Неон только по нескольким причинам.

Первая – это доказать самой себе, что не хочу стать частью одной из этих привилегированных ячеек общества, а вторая вытекает из первой: как можно ближе пообщаться с прошедшими через Церемонию Перехода и понять наконец, кем становятся эти люди.

И люди ли они еще?

Когда я прохожу мимо кабинета отца, я замечаю что его тачпад включен и неяркий свет стелется по темным стенам. Должно быть, отец не заходил в свой кабинет еще со вчерашнего дня – оконная панель опущена – но тогда не ясно, почему включен его компьютер.

Я отбрасываю этот вопрос и иду, куда и направлялась – в столовую. Наливаю кофе, делаю тосты с ананасовым джемом и сажусь напротив панорамного окна.

Вид умопомрачительный: грандиозных размеров тучи, наконец-то поглотили солнце, и на Византию опустился, словно бы ядовитый туман, разъедая верхние этажи жилых комплексов. Кольца магнитных дорог, огибающие весь гигантский город, так же наполовину исчезли в серой пелене, а те части, что видны, напоминают щупальца невероятных размеров осьминога.

Я словно смотрю самый дорогостоящий трехмерный фильм на земле, где чудище-исполин напало на удивительной красоты город. Мои фантазии живут еще какое-то время, пока их резко не уничтожает одна мысль, ворвавшаяся в голову: папа не забывал выключить тачпад! Его данные взломали, ну или еще до сих пор взламывают...

Резко вскакиваю со стула и тарелка с тостами, падает на пол, разлетаясь на кусочки. В груди загорается огонь, будто я вот-вот разгадаю какую-то загадку, о которой даже никогда не слышала. Пулей вылетаю из столовой и несусь к отцовскому кабинету, уже на пороге задеваю мизинцем дверной косяк, и наинеприятнейшая боль поражает правую ногу. Я стону, попутно выплевывая ругательства но, даже прихрамывая, ковыляю к рабочему столу отца.

На экране планшета появляются и тут же исчезают какие-то кодовые числа, странные слова. Всплывают и пропадают ярлычки рабочего стола. В этот самый момент, когда я зависла над отцовским компьютером, кто-то неведомый поглощает информацию.

Секунды я стою в полной растерянности, а потом принимаюсь стучать по экрану пальцами, в надежде хоть что-то изменить. Вывожу на главный экран панель, отвечающую за перезапуск системы, но бесконечно всплывающие информационные строки не дают мне возможности хоть что-то предпринять. В голове, параллельно моим тщетным попыткам остановить взлом, появляется сам собой вопрос: почему это меня напугало? Ощущение очень похожее на страх; словно в дверь моего дома стучит незнакомец.

Нет, здесь есть что-то еще. Волнение за отца? Я тут же строю догадку: кто-то хочет совершить на него покушение из-за его должности и сейчас занимается сбором информации.

Главная панель – Режимы системы – Перезапуск

Ошибка.

Черт возьми!

Внутри меня начинает разгораться паника, я и сама не понимаю, отчего так взволнованна, но сознание, словно переводчик, принимается расшифровывать посылаемые чувствами сигналы. Страх? Предчувствие? Острый параноидальный приступ? Возможно все вместе, но я склонна определить это, как предполагаемый подвох.

Что-то похожее, по крайней мере! Будто бы я заметила несоответствие на двух идеально похожих картинках. И тут приходит одна единственная мысль: сейчас или никогда, я должна вырубить эту штуковину! И прежде чем я хватаю со стола гаджет и бросаю его на пол, замечаю последний всплывший файл на экране планшета – оповещение от дирекции школы о том, сколько продлится экскурсия на Окраину и список учеников.

Планшет на уровне груди. Делаю взмах, и электронная пластина разлетается об пол.

Значит, они (кто бы эти «они» ни были) искали информацию о завтрашней экскурсии моего курса. Но зачем вообще кому-то это может быть нужно? Ни один стоящий ответ не приходит в голову, но отослать только что произошедшее событие на задворки памяти, я не могу.

Единственное решение, которое в данный момент я могу принять – занять выжидательную позицию, и просто ждать еще какого-нибудь сигнала. В любом случае, кто бы что ни затевал, им вряд ли удастся добраться до меня (если вообще есть такая цель).

Нас будут сопровождать несколько охранников и Стражи из числа Бессмертных, экипированные электро-перчатками. А уж эта самая перчатка, остановит любого, разрядом в несколько ампер. Ее действие я видела по телевиденью, когда транслировалась одна из Церемоний Перехода; в церемониальный зал ворвался революционер из числа противников Перехода и совершил покушение на кого-то из граждан, но его остановил Бессмертный, просто отправив разряд в бунтаря. Через секунду потерявшего сознание мужчину выволокли из зала и Церемония продолжилась.

Если я стану Бессмертной, как символ господства и могущества мне тоже будет вручена электро-перчатка.

Хоть как-то отвлечься от мыслей о «заговоре», я решила книгой. Конечно, не бумажное издание (размечалась), но сути это не умоляет. Моим любимым жанром с детства – остаются сказки. И пусть, я, наверное, уже слегка старовата для такой литературы, но поделаться с собой ничего не могу. Порывшись в электронной библиотеке, наткнулась на произведение под названием «Снежная королева». Даже ладони вспотели, и сердце стало биться учащеннее. Глупость

какая-то, наверное, сказало бы большинство из моих знакомых – из какого ты века? Что за чокнутая будет читать сказки в двадцать лет и дрожать от того, что нашла новую!?

Но что я могу с собой поделаться... Эти прекрасные творения забирают меня из реальности, в которой я не счастлива.

Не хотелось, конечно, переставать читать, но так я смогу оставить еще и на завтра.

На часах 17:05, пора приниматься за готовку. Сегодня хочу порадовать отца морепродуктами; бросаю в кипящую воду креветки, затем ставлю на плиту другую кастрюлю, в которой готовлю суп с кальмарами и осьминогом. Специально не включаю вытяжку, мне хочется чувствовать все эти запахи, складывается странное ощущение, будто вечером соберется вся моя семья, и я порадую их вкусным ужином. Вслед за этой фантазией в голову просачиваются воспоминания. Они дороги мне, но сердце сжимается от боли.

Я все еще помню, как пахли мамины волосы, когда она выходила из душа и не успев высушить голову, шла в комнату к нам с братом. Наверное, у нее был шампунь с запахом лесных ягод, потому что она пахла земляникой и свежей травой... Она спрашивала меня: – «Что ты читаешь?» А я почему-то всегда стеснялась и убирала электронную книгу под подушку.

Она улыбалась... Как же красиво улыбалась моя мама... Я не кривлю душой: не раздумывая, отдала бы бессмертие в обмен на возможность еще раз увидеть, как ее лицо озаряет улыбка! Вот бы, еще хоть однажды почувствовать, как ее нежная рука проводит по мои волосам, касается щеки...

Грудь сжимает так, словно я получила удар ногой. А голову все продолжают топить воспоминания.

Дио был сорванцом. Всегда непослушный, задающий множество вопросов. Помню, как он все мечтал поскорее начать водить магнитомобиль, ему тогда было не больше тринадцати, а я совсем малышка... Безусловно мобиль одно из самых безопасных средств передвижения современности, но отец все равно не позволял ему прокатиться. И тогда, однажды ночью, он прокрался на платформу

и угнал отцовский мобиль. А я проследила за ним и напросилась прокатиться.

Теплота разливается где-то в области живота, но она имеет оттенок тоски. Тяжелейшей. Трудно дышать, я изо всех сил цепляюсь за столешницу, на которой разложены продукты для готовки, но, кажется, это не помогает. Я все помню, помню...

Он визжал от восторга, тыкал пальцами по всей приборной панели и даже умудрился опустить крышу магнитомобиля, отчего в салон ворвался поток теплого летнего ветра. Думаю, ехали мы совсем на смехотворной скорости, но тогда мне казалось, что мы мчимся, словно гончие псы, куда-то за приключениями, оставив родителей дома...

Это было замечательно, потому что на соседнем сидении находился мой старший брат, он искрился от восторга, и я знала, что все будет хорошо.

Ему тогда здорово влетело: когда мы стали спускаться ниже по кольцам, нас остановили Стражи. Я тогда, глупая, все боялась, что родители обозлятся и на меня, и в наказание отберут электронную книгу (сокровище из сокровищ), но они посчитали, что брат взял меня с собой по собственному решению. Я промолчала.

Каким взрослым он сейчас бы был! Наверняка настоящим красавцем, сравни с Дорианом Блэком. Бессмертный. Навсегда оставшийся рядом со мной, чтобы защищать свою глупенькую младшую сестру...

Что-то громко бухает, а после раздается громкий тревожный сигнал.

Я обнаруживаю, что скрючилась на полу и мой ужин, давно сгорел, поэтому и сработала система безопасности дома. На пару минут все вокруг перестало работать, погасла даже аварийная лампа за панорамным окном. Я ощущаю себя переболевшей какой-то серьезной болезнью – слабость не дает подняться на ноги. Я все еще сижу на полу, медленно отпуская из сознания лица двух моих близких людей. Не могу поверить, что начинаю их забывать! Забывать, как они выглядели в реальности: форму подбородка, линии скул... Такие простые вещи.

Почти полностью прейдя в себя после такой неожиданной молчаливой истерики, я смотрю на часы и понимаю, что прошел целый час. Через сорок минут за мной заедет Афина, и мы отправимся в Неон, а ужин для отца так и не готов. Впадаю

в панику, начинаю метаться из комнаты в комнату, выискивая то самое платье, о котором упомянула подруга, вспоминаю, где хранится моя косметичка (раньше я ею не пользовалась, так что понятия не имею, куда ее подевала) и попутно насухо вытираю заплаканное лицо.

У меня такое ощущение, что время становится тем самым песком, что отсчитывает мгновения в особенных часах.

Решаю проигнорировать косметику, для приличия провожу кисточкой по ресницам и в мгновение, они становятся густыми и черными. Превосходно! Далее надеваю платье по совету Афины, кряхчу, когда стараюсь протиснуть оба плеча в маленькое отверстие для головы.

Пффф! Такое впечатление, что все оборачивается против меня, точно начата холодная война.

Наконец могу посмотреть на себя в зеркало. Делаю это в маминной комнате. Она купила на аукционе превосходное старинное трюмо из орехового дерева, резные стебли которого выкрашены в золотой цвет. Подходя к зеркалу, замедляю шаг. Впервые я удивляюсь тому, как неплохо выгляжу.

Из-за инновационной косметики, мои глаза кажутся огромными, а платье цвета первого снега, превосходно сочетается с моей чуть загорелой кожей (мамины гены). Смущает во внешнем виде лишь одно: словно выцветшие на солнце волосы, падающие на лоб и плечи, точно намокшие пакли. Я тут же принимаюсь собирать их в пучок, полностью откидывать за спину, зачесывать на один бок, но непослушные пряди словно имеют собственный характер.

Ну, хватит! Из-за моих попыток придать волосам хоть какой-то подобающий вид, становится только хуже. Оставляю все как есть. В моем распоряжении еще минут пятнадцать, трачу это время на оформление заказа в Службе Питания.

Это уже сам по себе нонсенс! Еще никогда после смерти мамы, я не подавала отцу заказную еду. Задумываюсь над этим. Делаю только один вывод – мне плевать! Не на отца конечно, но на весь уклад моей жизни.

Что это со мной сегодня? Странные перемены незаметно, но неумолимо меняют мой характер.

Примерно через семь минут после звонка в Службу Питания, курьер въезжает на платформу и оставляет у входа аккуратно разложенную по пакетам еду. Отцу даже не придется ее разогревать, термоупаковка сохранит ужин горячим. Вот он удивится еде по доставке! Или даже не заметит...

Еще пара минут до приезда Афины. Я сижу в прихожей, выходящей на подъездную платформу, над головой стеклянный потолок, и я вижу, как высоко, на третьем уровне по кольцевым дорогам катятся магнитомобили. Я чувствую себя спокойно, нет волнения из-за предстоящей вылазки в Неон, что-то другое беспокоит меня глубоко внутри.

Предвкушение! Да, это именно оно, я будто предвижу, какое-то грандиозное событие, ожидавшее меня, целую жизнь. Сначала я слышала только эхо этого самого предстоящего «чего-то», но прямо сейчас оно так близко, что меня начинает потряхивать. Никогда такого не испытывала, да и испытывал ли кто-нибудь вообще? Это по правде? Или я только выдумываю?!

Меня накрывает тревогой, я отнимаю руку от поверхности дивана и замечаю, что оставила на бежевой коже влажный след. Сердце наращивает ритм, отчего я хватаю воздух ртом. Да что это, черт возьми!?! Я ведь точно уверена, что не переживаю из-за гулянки с Афиной, но тогда какая причина?

Тревога улетучивается, как только на платформу въезжает мобиль подруги. Я не даю ей возможности даже выйти из салона, прямиком иду к ней. Если бы мы растянули момент нашей встречи, она обязательно зашла бы в дом и уговорила меня накраситься, чего мне совершенно не хочется.

– Готова втыкнуться? – так она называет прием Фликера, имеющего наркотическое воздействие.

– И тебе привет, Афина. – в моей голове всегда столько вариантов как ей ответить, но я никогда их не применяю.

Ни с ней, ни с кем бы то ни было. Они даже не представляют, что творится в моей голове, потому что я прячу этот мир за маской застенчивости. Нет, это ни притворство, просто я еще не нашла причину, зачем мне рассказывать людям, что на самом деле происходит внутри меня.

– А ты миленькая. – хвалит подруга, щипнув за правую щеку, как маленькую девочку. – Кто бы мог подумать, что такое святое дитя как ты, окажется расхитительницей сердец! – Афина коварно улыбается, и ее красные губы кажутся еще привлекательнее.

– Что, Парис уже наябедничал? – задаю я вопрос, отмечая, какое отвращение стал вызывать старый знакомый.

– Уоу, полегче, детка! А то заискришься! – примирительно вскидывает подруга руками. Кажется, и правда, удивившись моему настрою.

– Перестань. Что мне уже и позлиться нельзя? – накинув ремень безопасности, буркнула я.

– Вообще-то нельзя. На что ты злишься-то, а?! Шикарный кусок мяса возжелал тебя, а ты воротишь своим миленьким носиком! В тихом омуте... Старая, но мудрая поговорка! – она ехидно фыркает, будто даже довольная моим поведением и выруливает на восемнадцатое магнитное кольцо, уходящее высоко вверх.

Платформа перед клубом Неон заставлена самыми разными, но очень дорогими магнитомобилями. Не знаю, как Афине удалось припарковаться.

Она выходит, я за ней. Вокруг куча молодежи, все в белом, одежда одна из самых шикарных в Византии, настоящий модный показ! Стараюсь не пялиться на людей, но выходит с трудом, так и тянет посмотреть на какую-нибудь молоденькую старлетку, что уже засветилась в рекламе.

Эти люди прекрасны без преувеличения, а что с ними будет после Перехода? Юные боги, уже осознающие свое величие.

В очередной раз одергиваю себя и перестаю пялиться, тупо слеую за Афиной. Подруга то и дело, машет кому-то, кидает фразу в ответ на чей-то комплимент. Она здесь как рыба в воде, это ее высшее общество, я же абсолютно не понимаю, что здесь делаю, но домой не прошусь – интересно посмотреть, что будет дальше.

У самого входа в Неон, за «вип-столиком» под открытым небом расположился Парис и его компания. Я знаю только нескольких из них, они ходят со мной на курсы. Стоило им нас заметить, как разговоры в полный голос прекратились, и началось секретное перешептывание.

– Слушай, что бы Парис ни выкинул, я не буду иметь к этому никакого отношения. – неожиданно предупреждает меня Афина.

И тут я начинаю чувствовать мерзкое волнение, имеющее конкретное отношение к понятию – стыд.

Что такого Парис может мне сделать? И это из-за того, что я не захотела стать его девушкой?

Мы уже возле ребят. Высокомерные улыбки направлены только в мой адрес, но я будто ничего не замечая, буднично отвожу взгляд, рассматривая огромные светящиеся двери Неона. Афина здоровается с каждым, о чем-то шутит, а я с трудом продолжаю стоять под натиском всех этих недобрых взглядов, в особенности одного.

– Когда летели к вам, думала, Стражи вот-вот заграбастают, потому что выжала... – хвастается своей манерой вождения подруга, но я не дослушиваю ее речь.

Все мое внимание приковано к парочке за нашими спинами, по левую сторону от общей парковки. Эти двое сидят, свесив ноги, на бампере мобиля, девушка положила голову парню на плечо, а он пьет что-то из большой стеклянной бутылки. Их взгляды... Они будто насмеются над всеми этими богатыми людьми, что толпятся перед входом в Неон. Влюбленные наблюдают за молодыми людьми, жаждущими бессмертия так, словно ребенок за муравьями. Они одно целое – он и она. Кто они такие? Не похожи на готовящихся к Переходу. Неужели они поднялись с первого уровня. Мне нравится смотреть на них, на два разных организма, связанных чем-то большим.

– Пора хорошенько оторваться... – доносятся до меня слова Париса, и я машинально иду за компанией. Но меня останавливает резкий тычок в плечо.

Я вскидываю голову и понимаю, что идти дальше мне запретил Парис. Линия его улыбки изломанна коварством. Не понимаю, как такой симпатичный внешне человек, может быть так уродлив изнутри. Его темнота рвется наружу, я это вижу.

– Стоп, смертная, какого черта ты прешь за нами? – продолжая упираться рукой в мое плечо, грубо спрашивает он. Никакого изумления или шока я не испытываю, лишь возмущение.

– Парис, да отвали ты от нее, пусть Аврора повеселится хоть раз в жизни! – вступается Афина, но нужно заметить довольно-таки вяло.

Парень игнорирует слова подруги и продолжает, глядя мне в глаза:

– Это заведение только для тех, кто всеми руками и ногами поддерживает Церемонию Перехода, так сказать для привилегированной части общества. А ты крошка...как бы выразиться помягче... ты мусор!

Не понимая, что со мной творится, я сжимаю правую руку в кулак, но сквозь стиснутые зубы говорю:

– Я имею право ходить туда, куда мне хочется.

– Нет. Как раз ты, такого права и не имеешь. Ты из семьи тех, кто желал переворота и отмены Церемонии... – позади Париса слышны удивленные вздохи. – Твой отец кокнул твою мамашу, только из-за того, что она сбежала к повстанцам в Олимп!

Отвожу правую руку назад, насколько могу, и бью кулаком в морду Париса. Он вскрикивает и, не удержавшись на ногах, валится на своих друзей за спиной.

Я ухожу, оставляя за спиной удивленный гомон и оскорбления, летящие мне в спину. Иду пешком по правой стороне магнитной дороги, предназначенной для пешеходов. Уже стемнело, и черное беззвездное небо начало осыпать Византию первым снегом. Осень понемногу сдает позиции Зиме, измазывая дорогу слякотью.

Я замечаю, что испачкала обувь. И даже платье. Меня приводит в восторг то, что я замаралась! Белая одежда в редких мазках грязи. Во мне хоть что-то перестало быть идеальным.... Мне это до безумия нравится.

Глава 3. Лео

Кадык парня поднимается и опускается под моей ладонью, я держу крепко, и знаю, что если сожму еще немного, переломлю шею. Кричу ему в лицо все тот же вопрос: какого черты вы тут забыли? Страж не отвечает, лишь противная улыбочка расплзается по его идеальной физиономии.

Бью снова. Костяшки пальцев обо что-то царапаются, я перестаю бить Стража и снова на него смотрю. Его лицо... он похож на фарфоровую куклу, упавшую с высоты: трещины и выпирающие осколки по всей правой стороне ухмыляющейся рожи.

– Что ты знаешь? – ровным голосом спрашиваю я, давая шанс разойтись более менее мирно. Парень не реагирует. – Зачем вы прибыли на Украину?

Никакого прогресса. Наверное, парнишка думает, что я не причиню ему существенного вреда; боли он не чувствует, а личико восстановится через пару дней. Он просто меня не знает, не знает, на что я готов пойти от отчаяния. А именно это я сейчас и чувствую, пока моя сестра находится неизвестно где!

Хотя почему неизвестно, лично я на все сто уверен, что к ее похищению причастны эти «кукольные рожи»! Мир вокруг меня разваливает, отчаяние отравляет разум, но мои кулаки по-прежнему сильны и я заносу над Стражем сжатую руку.

– Лео, что бы про них не говорили, но они, все же, могут отбросить коньки! Бессмертные они больше номинально, а по факту... – вступает за уродца подо мной, Спартак, мой лучший друг, всегда старающийся держать меня на тормозах. Иногда это раздражает.

– Она у них! Я это точно знаю. – так и не опустив кулак на рожу Стража Бессмертных, объясняю я другу. И как только я представляю, как моя Руфь плачет в плену у «кукольных рож», гнев растекается по венам.

– Они, конечно, нас не жалуют, но... зачем им похищать Смертных? – осторожно, стараясь меня не спровоцировать, задает вопрос Спартак.

Я и сам еще во всем толком не разобрался, огромная политическая головоломка не может сложиться в четкую картину в моем сознании. Но я знаю, что смогу понять происходящее, знаю, что мне нужно спешить, если хочу чтобы Руфь осталась жива!

«Они» растрачивают свои бессмертные жизни в Византии, «мы» выживаем на Украине. Так было всегда. Зачем же они прибыли к нам целой колонией? Вопросы без ответов вызывают зуд, раздражают мысли.

– Слушай, парень, просто скажи моему другу, что знаешь, и разойдемся по добру, по... – присаживаясь рядом с лежащим на земле Стражем, начинает Спартак, но в мгновение его голос обрывается.

Секунду я не могу понять, что произошло, понимаю – друга рядом нет, вот только сейчас, он был рядом, а в следующее мгновение исчез! Изумленно оглядываюсь по сторонам: отовсюду на меня таращится только сумрак, вдалеке виднеются очертания домов Смертных, но нигде не вижу Спартака. И тут я понимаю, что произошло, когда замечаю правую руку Стража, выставленную в том направлении, где только что сидел мой товарищ.

Он активировал электро-перчатку! Эта кукольная рожа просто взяла и метнула в Спартака заряд, отбросивший его. Во мне снова вспыхивает гнев, но уже совершенно иного происхождения: я концентрирую всю ненависть, испытываемую к Бессмертным на одном человеке. Страж, должно быть, наконец, осознал, что я не буду больше с ним церемониться и стал предпринимать отчаянные попытки высвободиться из моей металлической хватки.

Тщетные попытки надо сказать.

Я принялся колотить его по уцелевшей левой стороне лица и с каждым моим ударом, парень кричал все отчаяние, хотя боли он не чувствовал, но думаю реальное приближение смерти напугало его до чертиков.

- Что ты знаешь?

Ударом разбиваю ему фарфоровый нос вдребезги. Он задыхается, может говорить, но не делает этого, лишь вопит.

- Зачем вы похищаете нас?

Бью в губы: они трескаются и крошатся. Я задумываюсь о том, насколько сильным был удар от электро-перчатки. А если Спартак погиб...? Не может быть! Я должен оставить Стража и бежать на выручку другу, но я чувствую, что вот-вот пленник сдастся.

- Зачем вы прибыли?! Отвечай! - я замечаю как, высвободив правую руку, Страж Бессмертных направляет ее на меня. Он хочет активировать удар электричества, который наверняка меня поджарит.

Он сделал это напрасно! Я в бешенстве...

Одним коленом я упираюсь парню в плечо, другим давлю на грудь, а обеими свободными руками хватаюсь за его правое запястье и тяну. Тяну с такой силой, что из моей груди вырывается рык от натуги; парнишка скулит. Я смотрю ему в глаза и выкрикиваю все те же простые вопросы, ответы на которые - все, чего я хочу от него. Но он так и не раскрывает мне своих тайн.

Ну что ж, он, несомненно, поплатится за свое упрямство.

Режущий слух скрип, а затем в моих руках оказывается отделенная от тела кисть Стража.

Никакой крови, одни осколки. Если бы была кровь, было бы намного легче перестать их ненавидеть, я смог бы остановиться, перестать считать их противоестественными монстрами, но вокруг меня сухо... Страж в отключке, должно быть шок, точно не из-за боли.

Снимаю с оторванной руки механическую перчатку и небрежно кладу ее во внутренний карман куртки, почему-то мне кажется, что она еще пригодится. И больше не уделяя Бессмертному внимания, бегу к тому месту, куда по предположению откинуло Спартака.

Друг лежит на спине в пятидесяти шагах от места, где шла борьба. Я больше всего боюсь увидеть его бездумно глядящим в черное ночное небо, так как смотрят только мертвецы, брошенные на земле. Боюсь, что чувство вины за то, что сразу же не кинулся ему на помощь, впоследствии меня сломит. Это только внешне я угрюмый и неэмоциональный, но на самом деле я чувствую все, может даже сильнее других. Просто я никогда не находил в себе сил выказывать людям свою симпатию.

В каком-то смысле я трус, когда дело касается выражения чувств. Мне проще сделать что-то для человека реальное, способное изменить его ситуацию к лучшему, чем нести весь этот «чувственный бред». Но сейчас, сокращая расстояния до тела Спартака, я пожалел, что не сказал ему, как важна для меня наша дружба.

Внутри все сжато, словно в тесках, крепче стискиваю зубы. Его глаза закрыты (слава Богу!), лицо повернуто набок и вроде бы нет никаких внешних повреждений. Когда я оказываюсь возле него, то начинаю пристально всматриваться – вздымается ли его грудь? И хвала всевышнему – мой друг дышит! Тут же чудовищное напряжение покидает мое тело, и я, словно потеряв все силы, опускаюсь на землю рядом со Спартаком.

Какое-то время я лежу, молча, тяжело дыша, давая другу время прийти в себя. И только одно лицо приходит ко мне из темноты, только один человек не покидает моих мыслей, когда я закрываю глаза. Саванна. Где она сейчас? Должно быть уже близко, спешит на встречу со мной, но это не может принести мне облегчения, лишь новую порцию нестерпимой тоски. Как жаль, что я не умею рассказывать о своей боли друзьям или родителям. Может, если бы я рассказал кому-то, способному выслушать меня и понять, какая-то часть груза, что я ношу, исчезла, но я всегда держу чувства при себе.

Больно... По-настоящему. Видеть ее лицо, вспоминать все, что было, и понимать, что уже никогда не будет так, как прежде.

Спартак приходит в себя и, усаживаясь на земле, начинает задыхаться от кашля. Я тоже приподнимаюсь, в качестве поддержки кладу ему руку на плечо. Полностью придя в себя, мы идем к моей машине, друг не спрашивает о том, что мне удалось выяснить, и жив ли еще Страж. Думаю с каждым разом, когда он видит, как я выхожу из себя, какая-то часть его веры в меня исчезает. Безусловно, он будет идти со мной до самого конца – что бы это ни значило – но когда он узнает, что я задумал и во что меня по собственной воле втянули, от нашей дружбы останутся лишь воспоминания.

– Не ходи сегодня на собрание, лучше отлежись. – советую я ему, когда мы подходим к машине.

Кроваво-красная Шевроле Импала, ждет нас на границе с Византией, где собственно мы и подловили Стража Бессмертных. Эта тачка мой раритет. Мое сокровище. Я даже в мыслях не могу сравнивать Импалу с тем дерьмом, на котором таскаются по Византии. Эту красавицу я собственноручно собирал по частям на протяжении семи лет, выискивая детали в самых невероятных местах. Она как живая для меня.

– Заметано! – без особого энтузиазма отзывается Спартак на мое предложение. – Этот уродец хорошенько меня приложил.

Друг даже не старается хорохориться, слишком очевидно как ему хреново. Вообще-то Спартак визуально больше меня, мускулатура выражена ярче, да и девчонки всегда вились вокруг него толпой (думаю дело тут в фирменной улыбочке), но ему никогда не срывало крышу так, как мне. Конечно, он дрался, чаще всего выходил победителем из разных потасовок, но наблюдая за ним со стороны, я понял, что ему это не доставляет никакого удовольствия. В его глазах никогда не горит гнев, в моих же напротив – бушует пламя. Сильные стороны друга – это преданность и доброта, как бы сопливо не звучало. Но я безмерно уважаю его за это.

– Я заеду за тобой рано утром. Дельце будет не из простых. – еще раз напоминаю другу о том, что нам предстоит сделать завтра. Знаю, что он не в восторге.

– Да помню я. – прислоняя голову к холодному стеклу, огрызается он.

Какое-то время мы едим в полном молчании, нас окружает лишь звук мчащихся по гравию колес. Если бы нельзя было отвлечься на этот шаркающий звук, было бы куда сложнее ехать в тишине. Всегда нужно что-то говорить. Словно без слов, между тобой и тем, кто рядом, прокладывается пропасть.

– Спасибо, что помог мне сегодня. – благодарю я его, когда мы оказываемся в черте поселения Смертных.

– За что? Я же просто стоял в стороне и уговаривал тебя быть полегче, с тем парнем. – Спартак обыгрывает слово «парень», изображая излишнее пренебрежение. Но я знаю, что у него нет огромной ненависти к гостям из Византии.

– Вот за это и спасибо. Иногда за мной нужно приглядывать.

Мы останавливаемся возле многоэтажного жилого дома, где теперь обитает Спартак. Раньше он жил с матерью, но после своего двадцатидвухлетия, он решил жить один. В их семье тема Церемонии Перехода, это шанс объявить маленькую, но ожесточенную войну.

– Только, пожалуйста, не говори мне, что в завтрашнее дельце нас втянула Саванна?! – выбравшись из машины и страдальчески повиснув на пассажирской дверце, уточняет приятель. Он всегда недолюбливал мою бывшую.

– Я и не говорю. – отрезаю я. – Она не втягивала нас, она втянула меня.

– Лады, парень. Жду тебя завтра, как только вспыхнет солнце. – друг широко улыбается, демонстрируя мне идеальные белые зубы. Девчонки от этого просто млеют. – Никаких больше драк. Никаких чокнутых подружек из прошлого! – велит он и, хлопнув меня по ладоши, шагает по направлению к подъезду.

Я улыбнулся и развернул Шевроле на дорогу, ведущую в центр города Смертных.

На улице Свободы, в самом центре заброшенного парка развлечений – где тут и там разбросаны напоминания о былом времени в виде искореженных

аттракционов – уже горит огромный костер. Вокруг огня, словно собираясь принести жертву давно забытым богам, рассредоточились отдельные кучки народа, но все как один волнительно застыли в ожидании начала Совета. Совет проводится только в экстренных случаях, когда под вопросом стоит существование Смертных как отдельного класса. В отличие от Византии и других бессмертных городов, мы никогда не выбирали себе лидеров, нашей культурной особенностью присуще понятие общего выбора и голос каждого может быть услышан на собрании подобном этому.

Единственными, кто обладают влиянием на общественное мнение – но не властью – являются старейшины, люди, чей жизненный опыт может положительно сказаться на принятии того или иного решения. Именно к ним я и направляюсь.

Огибаю ряд ржавых кабинок, на которых раньше катались по рельсам, минуя наполовину ушедшее под землю колесо обозрения и оказываюсь в пятидесяти шагах от громадного костра, чья пламя угрожает поджечь небо.

Меня тут же обдаёт жаром, отчего лицо и руки, не спрятанные под одеждой, покрываются испариной. Я поеживаюсь от неприятного ощущения.

Гай, Филипп и Грегори – главные старейшины на данном Совете, молча, сидят по правую сторону от костра. Я с удивлением отмечаю: по ним совершенно не скажешь, будто старики испытывают дискомфорт от близкого нахождения с гигантским костром. Их покрытые морщинами, обвисшие лица задумчивы и сосредоточены на каких-то размышлениях, но есть и еще что-то... Словно бы пожилые мужчины грустны.

Я никогда не видел ни одного члена Совета поддавшимся унынию, каждого человека на Окраине с детства учат бороться до последнего за выживание и не поддаваться разрушительной силе отрицательных эмоций. Поэтому я замедляю шаг, идя к мужчинам, надеясь прочесть чуть больше по их печальным лицам. Но как только я прохожу мимо очередного скопления народу – за мной протягивается шлейф пересудов и шепота. Старейшины поднимают на меня глаза.

Мерцающий оранжево-красный свет от огня, явственно отражает боль и отчаяние в глазах трех мужчин, призванных убеждать людей не поддаваться

унынию. Даже не смотря на то, что за спиной у меня настоящий огненный исполин, внутри все холодеет. Гай, Грегори и Филипп, конечно, знают о пропажи Руфи и неужели они так отчаялись, что им больно высказывать мне советы и слова ободрения? Что известно им, чего не знаю я? Еще плохие новости?

– Я допросил одного из Бессмертных, это не принесло результатов. – на ходу сообщаю я, забыв о вежливости и не упоминая Спартака. Старейшины и другие люди с Окраины не доверяют его семье.

Филипп – наголо обритый старик, медленно поднимается со своего места и, не смотря мне в глаза, кладет руку на мое плечо, в знак поддержки. Я чувствую, как начинают дрожать мои руки; сначала кончики пальцев, затем дрожь поднимается выше, порождая слабость во всем теле.

Да что, черт возьми, стряслось?

Я не задаю вопроса вслух, уважительно жду разъяснений Старейшин, хотя сердце мое колотится, словно в припадке.

– Леонард... – как тяжело звучит мое имя в устах Филиппа, будто сейчас слова угрожают раздавить всю мою прежнюю жизнь. – Твои мать и отец пропали... Как и остальные. Саванна в том же списке.

Я стою на своем месте, не двигаясь и не моргая, затаив дыхание перевариваю услышанное. Без паники, можно сказать расчетливо, прикидываю возможные варианты случившегося и то, что я могу сделать для близких. Моя семья... Руфь, мама, отец – все исчезли. Догадывался ли я, что такое может произойти? Да. Но ничего не мог предпринять. Шанс что-то исправить у меня появится получасом позже...

Филипп и другие не знают, что Саванна не похищена вместе с остальными Смертными, не знают, что все намного сложнее, чем они могут вообразить, НЕ ЗНАЮТ, что спокойные времена, в которых они жили раньше, больше не существуют.

Это будет война. И как же страшно стоять у ее истоков.

– Сколько приблизительно человек пропало? – холодно спрашиваю я Старейшин.

– Около тысячи в периметре Свободы... – подавленным, почти болезненным голос оглашает Грегори, чьи длинные седые волосы кажутся золотисто-русыми в свете костра.

Я давлю в себе крик отчаяния. Я не думал, что все будет так... серьезно и страшно. Тысяча человек пропали в периметре, где я вырос, где жили все, кого я знал с детства! А сколько человек пропало в других местах планеты, расположенных поблизости с бессмертными городами!?

Слишком много горя! Слишком страшно. Я многое знаю, но не смогу всего предотвратить...

– Это похоже на истребление. – горько делает собственный вывод молчаливый Гай, третий Старейшина. – У них есть все, у них есть даже вечная жизнь, а они хотят стереть нас с лица земли!

Если бы я только мог ему все объяснить, сказать как он прав и в то же время далек от истины...

– Вы приняли какое-нибудь решение? – я имею право задавать такие вопросы Старейшинам, так как мой отец должен был стать одним из них, по достижению зрелости.

Но уже не станет...? Так случится, что не будет Старейшин, некому будет давать советов.

– Единственное, что мы решили, это советовать людям бежать как можно дальше от Византии, покидать Окраину. – борясь с дрожью в голосе, а может быть и со слезами, поясняет Филипп. Тяжело видеть, как становятся мокрыми глаза стариков от слез отчаяния.

– В других периметрах некоторые Старейшины подбивают народ не сдаваться и начинать восстания, но мы... не решились советовать и без того пережившим утрату людям, идти на смерть. – заканчивает дискуссию Грегори.

Трое старцев покидают свои места и направляются ближе к столпотворению людей со всего периметра Свободы. Сейчас они объявят о чрезвычайном происшествии и скажут людям собирать вещи и бежать. В неизвестность... Может быть даже к голодной смерти.

Где сейчас мой воинственный гнев? Я чувствую одно бессилие, словно вижу, как тонет в океане огромное судно, но я слишком мал и незначителен, чтобы помочь ему.

Я сажусь в Импалу и еду к пристани, в четырех кварталах от разрушенного парка развлечений. Пытаюсь думать о том, что мне предстоит сделать, но мысли упрямо возвращаются к сестре и родителям. Я готов сделать все что угодно, стать кем угодно, лишь бы Руфь осталась жива. Я даже допускаю такую мысль, что будь у меня куча денег, я бы оплатил ей эту чертову Церемонию Перехода, только знать что она в порядке.

Проезжая по дороге между двух многоквартирных домов, замечаю тут и там, людей в страхе мечущихся по улице, что-то кричащих, плачущих. У некоторых на руках маленькие дети. Теперь информация о падении Окраины распространится очень быстро, паника захлестнет многие периметры. И это лишь начало!

Бросаю машину в десяти шагах от пристани. Иду к двухпалубной яхте, выкрашенной в черный цвет, отражающей блики на воде. Судно кажется призрачным, лишенным осязаемых форм, и только шум волн разбивающихся о борта, говорит о том, что оно реально. Чем меньше шагов мне остается до мостика, перекинутого с палубы на причал, тем сильнее я ощущаю волнение.

Удивляюсь себе: вокруг меня разгорается война, мои родные похищены, а я волнуюсь из-за того, что скоро увижу девушку, в которую без ума влюблен. Или это из-за ненависти, что соседствует вместе с любовью внутри меня? Я же знаю, какая у Саванны натура, знаю, что она отнюдь не лучшая кандидатура для любви, многие, узнай они правду о ее роли в происходящем, захотели бы убить! Я и сам хочу, признаюсь, даже рисую время от времени в голове картины ее убийства но...

Она появляется на мостике, внезапно вынырнув из темноты каюты. Шагает медленно, но расстояние сокращается так быстро для меня. Мгновение и ее тонкая фигура очерчена рассеянным светом далекой луны, еще одно и Саванна

уже на расстоянии вытянутой руки от меня. Знаю, что горло пересохло, я не смогу сказать ни слова.

Ее глаза... они гипнотизируют! Девушка ничего не говорит, не прикасается ко мне, только возбужденно разглядывает мое лицо.

Когда я не нахожусь с ней рядом, легко поверить, что она вовсе не существует, в такие моменты я позволяю себе плохо о ней думать, представляю, как говорю ей, глядя в глаза, сотню ругательств, которые она по праву заслуживает. Но стоит мне ее увидеть, как любые проявления ненависти гибнут.

Я словно поощрен свыше: имею честь смотреть на ее божественное тело, словно повторяющее изгибы дикой кошки. Сейчас непослушные угольно-черные волосы Саванны падают на плечи, и локоны обрамляют бледное встревоженное лицо. Большие миндалевидные глаза, словно немо задают вопрос, обращенный только ко мне: «Все в порядке? Я волновалась...» За это крохотное, почти выдуманное мною проявление заботы, я готов быть ее рабом до конца жизни.

Она отдает себе отчет в том, какой властью обладает надо мной? Я и хочу ее до безумия и ненавижу. Когда оба этих противоречивых чувства сталкиваются во мне, я превращаюсь в зверя, сам себя боюсь в такие моменты, а она если и замечает, что со мной творится, то жестоко делает вид что так и надо.

– Ты пришел... – негромко, оставаясь недвижимой, произносит она слова, будто измазанные в меду. От звука ее голоса и оттого, как она с тревогой смотрит на меня, по телу проносится волна возбуждения. Единственное, чего мне хочется в это мгновение – это сжать ее в объятиях, раздавить, причинить боль, отравиться невозможно сладким поцелуем...

– Все началось. – стараясь держать эмоции в клетке, глухо отзываюсь я. Я, как и Саванна, не делаю ни одного шага, не тяну к ней рук, хотя очень хочется. Единственное что могу себе позволить – что позволяет мне она – смотреть на ее прекрасное бледное лицо.

Сильный порыв ветра ударяет по нам со стороны океана, и длинные черные волосы девушки взметаются вверх, я затаиваю дыхание.

Богиня. Демон. Владычица.

Свежий морской воздух подхватывает запах дивных волос и обрушивает на меня... Она, точно сейчас заметит, что я раздавлен ее красотой, поймет, как много значит для меня, и ни одна моя бесчувственная маска не скроет тех чувств, что я испытываю.

– Удалось взломать компьютер отца? – убирая растрепавшиеся волосы за спину, деловито интересуется Саванна. А я только и могу, что мечтать, о ее великолепных чувственных губах...

– Да. Я знаю время прибытия учеников. Девчонка в списке. – так же на первый взгляд спокойно, отвечаю я. Внутри ураган на самом деле, но я из последних сил стараюсь себя не выдать.

– Тогда все действительно началось. – говорит она и отступает на пару шагов назад. Меня отравляет разочарование, я начинаю терять надежду, что сегодня смогу к ней прикоснуться, а о поцелуе и мечтать не стоит. – Спасибо, что решился пойти на это. В итоге мы оба выиграем.

Как же мне хочется, чтобы она сказала хоть слово о наших отношениях, упомянула о том, что чувствует ко мне... Ничего такого! Холодный расчет – все, что присутствует в ее речах.

– Ты просто так уйдешь, не попрощавшись? – позволяю я себе слабость, а она словно только этого и ждала.

– Я думала, что больше не интересна тебе. – парирует девушка, явно лукавя. Но это ничего, мне нравится то, как она лжет. Нравится, что Саванна снова делает шаги по направлению к моему застывшему телу.

Ее окликает капитан яхты, который отвезет ее в неизвестное место, где она будет ждать выполнения моей части сделки. Саванна просит его подождать еще пару минут. Минуты... Хватит ли мне этого, чтобы утолить жажду любви, чтобы снова не ненавидеть ее, когда исчезнет?

– Для меня важен только ты. – Саванна запускает руки в мои волосы, знает, что я этого не люблю, но все равно игриво улыбается мне в лицо. Я всегда беззащитен перед ней, что бы ей ни вздумалось со мной сделать. Она, как котенок, царапает

меня, а я терплю, потому, что ничего не могу предпринять, боясь даже обидеть.

– Когда я увижу Руфь? – хрипло спрашиваю я, эмоции изменяют голос.

– Как только выполнишь то, что должен. Ты же знаешь, я ничего не могу гарантировать, но это единственный способ вернуть твою сестру. – ее слова холодны, хоть она и старается изображать участие.

И когда Саванна уже что-то прочитывает в моих глазах – возможно, ту самую ненависть – ее губы примыкают к моим, обезоруживая меня.

Недолгий поцелуй, словно она целует мальчишку, чей опыт не велик. И после Саванна, не оборачиваясь, возвращается на яхту.

Когда я увижу ее снова? Будут ли мои чувства к ней прежними? Я уверен, что все вернется на свои места, как только я увижу ее таинственные черные глаза.

Глава 4. Аврора

Я так и замерла с ложкой, поднесенной к открытому рту. Было что-то около семи утра, экскурсионная поездка на Окраину состоится через три часа, и я завтракала, когда начались новости.

Это был срочный репортаж из Олимпа. Объявили о том, что в городе введено военное положение из-за учиненного повстанцами бунта. Я не могла поверить, что происходящее на экране правда, потому, что никогда в жизни не видела военных действий. Дым, толпы кричащего народа, планолеты и правительственные магнитомобили, оснащенные электрическими пушками. Это показалось фантастикой, просто фильмом с хорошими спецэффектами. Репортер повторила о том, что в городе объявлено военное положение, и на этом все закончилось.

Эта жуткая информация заставила меня вспомнить вчерашнее заявление Париса, перед тем как... Я врезала ему! Уфф... Сама не верю, что сделала такое.

Моя мама сбежала в Олимп от отца? Что за глупость такая? Кто ему вообще позволил думать, что он имеет право хоть что-нибудь говорить о моих близких!

И все же... Размышления на данную тему меня не покидали. «Твой отец кокнул мамашу» – вот за какие слова я прошла ему кулаком по морде. И как бы мне не хотелось, но я продолжала раздумывать над тем, что ляпнул Парис, даже зная, что это полная чушь и мне не стоит так думать о родных.

Мама и брат действительно по какой-то причине отправились в Олимп (хотя подобные поездки крайне редки для граждан) и там с ними что-то произошло. Почему же отец их не сопровождал? Имела ли место ссора между родителями? Я стараюсь вспомнить все, что доступно мне из детства, но все воспоминания поблекли, и знаю, что пририсовываю огромное количество деталей... Самым верным остается поговорить с отцом откровенно, но если у отца и мамы была какая-то важная тайна, он ни за что не расскажет мне всей правды, сколько бы я не пыталась его разговорить, потому что, знаю точно, – в то время стоял вопрос о нашей безопасности.

Головоломка из прошлого чрезмерно сложна, она состоит из огромного количества событий и мотивов. Главное, в чем я уверена (больше интуитивно), так это то, что гибель мамы и брата взаимосвязана с Церемонией Перехода и самим бессмертием в целом.

Дальше идут одни догадки. Могла ли мама узнать какую-то правду о правительстве? Если да, то это означает, что отец пожелал оставить секрет не раскрытым и позволил близким сбежать. Или отец перешел границу, воруя деньги – пытаюсь еще в то время, обеспечить нам с Дио Церемонию? Что-то пошло не так, и мама смогла забрать с собой в безопасное место лишь брата... Но главная информация, способная стать фундаментом для реалистичной догадки – слова Париса о враждебном отношении моей семьи к Переходу и о связи с повстанцами.

Я, конечно, не собираюсь верить на слово парню, которого откровенно отшила, но почему-то я уверена, что он сказал правду, в той или иной степени. Как только закончится экскурсия на Окраину, думаю расспросить его о том, что ему известно.

Мне следовало связаться с Афиной и попросить ее забрать меня по пути к учебному корпусу, откуда стартует наша экскурсионная группа, но я передумала. То, как она вчера себя повела... Согласна, что ничего такого она не совершила, не она же прилюдно пыталась меня унижить, но все же дружеского энтузиазма мне в ней не хватило. Назовем это так.

Так что, надев светло-бежевое платье и накинув пальтишко на тон светлее, я воспользовалась магнитомобилем мамы (давно стоявшим без дела), и отправилась в учебный корпус. Совершенно одна. И как ни странно – почувствовала себя замечательно, неспешно прокатываясь по оживленному магнитному кольцу, огибающему добрую половину Византии.

На огромной платформе, у входа в учебное здание, собрались все те, кто учится со мной на курсе или параллельно. Толпа облаченных во все белое молодых людей, показалась мне дико нелепой, я как будто впервые взглянула на жителей Византии. Странно, но мне захотелось похулиганить и выплеснуть на однокурсников ведро черной краски, захотелось увидеть их лица, когда они перестанут быть притворно-идеальными!

Я так и поступаю... В своем воображении.

Подхожу ближе к народу; все чего-то ждут. Предвкушение настоящего путешествия щекочет низ живота. Я ищу в толпе Афины, но ее нет. Отталкиваю нескольких ребят, потому что хочу расспросить Августа, паренька в чудаковатых очках, с которым у меня боле менее приятельские отношения. Правда поговаривают, что через эти свои очки он видит людей без одежды...

– Эй, Август! А чего это все ждут? Когда все начнется? – спрашиваю я его не в силах выкинуть из головы мысль о том, что может быть, сейчас он смотрит на меня обнаженную и словно невзначай, прикрываю руками грудь.

Черт! А ведь есть и другие места, которые хотелось бы скрыть.

– С минуты на минуту, ждем планолет, который доставит нас на первый уровень. – Август поджимает губы, почему-то смущаясь. Мои щеки тут же вспыхивают, когда я догадываюсь, что все слухи об очках парня правдивы. Он замечает мою растерянность и снимает необычное приспособление с переносицы.

– Я думала, мы сразу же полетим на Украину. – перевожу я тему, стараясь преодолеть неловкий момент.

– С нами проведут инструктаж по технике безопасности, ты же слышала о том, что творится в Олимпе? – спрашивает он, предлагая мне пачку фруктовых чипсов. Я с благодарной улыбкой отвергаю его дары.

– Аха, я не поверила глазам, когда услышала новости! Разве такое может быть в наше время? – задаю я вопрос больше обращенный в пустоту мироздания, нежели к Августу. Не то что бы мне не нравилось общаться с ним, просто я всегда смущалась под взглядом его «щенячьих глаз», будто он молил меня о взаимности.

Никогда не могла понять – что он во мне такого видит? Я ведь даже самой себе кажусь странной.

От молчаливой неловкости в компании Августа, меня спасает гул двигателей приближающегося планолета. Я тут же отмечаю: планолет принадлежит военным; на изогнутом носу корабля сверкает серебром герб Византии: рука, держащая яблоко. Тривиальная отсылка к Церемонии Перехода и яблоку, подаваемому на Церемонии.

Внушительных размеров машина издает несколько предупредительных сигналов, разгоняя ребят на платформе по сторонам, и начинает медленно снижаться. Как только все начинают проталкиваться ко входу в планолет, я замечаю магнитомобиль Афины. Она паркуется и с величественным видом выходит из мобилия. Не желая встречаться с ней глазами, я принимаюсь, как и другие втискиваться в узкий проход корабля.

Приходится сесть вместе с Августом, он занял мне место. Я не демонстрирую ему своего раздражения, но как только опускаюсь в кресло, отворачиваюсь к окну. Мне не спокойно. Я рассматриваю упирающиеся в небо высотки города и представляю, как огонь захлестывает Византию. Это уже происходит в Олимпе. Почему тогда я должна быть уверена, что этого не произойдет здесь? Мне не все равно, что случится с моим домом. Мне не за что ненавидеть Византию... Я убеждаю себя.

– Не думаю, что есть повод переживать, все же Византия лучше оснащена оборонительными технологиями. – обращается ко мне Август.

Как он узнал, о чем я думаю, неужели все написано на моем лице? Или он просто давно меня изучает... Его внимание смягчает мое сердце. Я поворачиваюсь к нему и слегка улыбаюсь.

– Так очевидно о чем я думаю? – краем глаза замечаю, что на борт поднялась мадам Афина. Тут же сосредотачиваю все внимание на Августе.

– Типа того. А вот сейчас ты увидела кого-то, кто тебя обидел. – шокирует меня паренек своей пронцательностью.

Планолет поднимается в небо и на несколько мгновений у всех закладывает уши. Я слышу лишь биение собственного сердца, учащенное, переполнившееся странным волнением. Да что опять со мной не так? Из-за чего сейчас-то волноваться?

– А ты не плохо разбираешься в людях, Август. – говорю я ему, по дружески хлопая по плечу. Он вздрагивает, пытается сделать вид, что его тряхнуло из-за разворота корабля, но я успела заметить.

– Знаешь, то, что я тебе сказал про оборону Византии, правда, но она не спасет нас в критической ситуации. – серьезно делится он информацией. Я полностью поворачиваюсь к нему, заслоняя спиной ромбовидный иллюминатор.

– То есть?

– Краткий курс древней истории от задрота Августа. – пренебрежительно представляется он, перед началом рассказа. – Очень, очень, очень, давно существовала Византийская империя, государство настолько богатое и развитое, что вполне понятно, почему то место, в котором живем мы с тобой, назвали аналогично.

– Да, да, я ходила на уроки, знаю о возвращении в моду античных названий и имен. – перебиваю я.

– Так вот, империя была слишком богата и под натиском многочисленных врагов, не оставлявших попыток завоевать Византию, она медленно начала терять земли. И примерно в середине пятнадцатого века окончательно пала. Ею правили жестокие и милосердные правители, мудрые и откровенно глупые, но государство, все же, перестало существовать... – он замолкает и смотрит в иллюминатор за моим плечом. Я все еще не могу понять, к чему он клонит. – История нам дана для того, чтобы мы учились на ошибках других, но есть такие вещи, которые не сможет изменить, ни один народ.

Я замечаю перемену его настроения. Только что я видела перед собой обычного паренька, из хорошей семьи, возможно немного влюбленного в меня, и вдруг я вижу взрослого человека, с серьезными взрослыми мыслями в голове и это приводит в смятение.

– Идеальной власти не бывает. Как не бывает на самом деле и бессмертных городов. Византия падет... однажды. И я думаю, что это правильно.

Теперь Август кажется мне жутким. Seriously! В голову мне приходит мысль о том, что этот кибергений, каким его все считают, узнал что-то из тайн высшего правительства, возможно даже секреты самого Дориана Блэка и это его тяготит.

Я отворачиваюсь от парня, давая понять, что больше не хочу продолжать разговор. Я в самом деле устала, хотя день только начался и впереди еще несколько часов экскурсии. В висках начинает стучать, головная боль медленно, но упрямо набирает силу. Можно попросить у сопровождающего какое-нибудь болеутоляющее, но я мазохистским способом хочу заглушить ор мыслей в голове.

Политические заговоры, семейные секреты, бесконечные догадки о том, что происходит. Все это не должно волновать двадцатилетнюю девушку, обожающую читать детские сказки и готовящуюся к Церемонии Перехода. Но ведь волнует!?

Через десять минут после взлета мы уже опускаемся на самый низший уровень, которого я никогда в жизни не видела. И первое, что я вижу в иллюминаторе, это огромное количество народа, стройными рядами, идущего по своим делам. По настоящей, твердой земле. Для меня это удивительно, необычно! Мне безумно хочется пройти по асфальтированному тротуару.

После настоятельных рекомендаций гида быть более внимательными и осторожными, вслед за остальными я покидаю планолет и оказываюсь на взлетно-посадочной территории, огражденной от внешнего мира. И тут же чувствую прилив разочарования. Все путешествие нас будут опекать и не позволят гулять самостоятельно.

Как и большинство, я глазею по сторонам, запрокидываю голову вверх, чтобы попытаться увидеть самые верхние этажи высоток, на которых все мы живем. Туманно и ничего не видно. Даже не верится, что каких-то десять минут назад мы были под самыми облаками, а теперь опущены на землю.

С каждой новой секундой нахождения на первом уровне, меня все сильнее охватывает чувство несоответствия. Будто я смотрю на круг и постепенно понимаю, что это квадрат. Первые этажи, отведенные под магазинчики и продовольственные лавки старинного типа, резко переходят в рекламные щиты, мигающие самыми яркими цветами, точно такие же есть и на фасадах зданий на втором и третьем уровнях. Строение и облицовка зданий отличаются через каждый квартал, точно кто-то перепутал рычаги в машине времени и разные эпохи смешались в один непонятный город.

Я замечаю все больше деталей. Снова бросающиеся в глаза различия: в пятидесяти метрах от забора, которым ограждена посадочная площадка, расположился склад утилизированной техники, и здесь свалены друг на друга ржавые остовы машин и магнитомобилей. Щурясь, смотрю на север от города, вижу сверкающее под солнцем отражение океана, по которому плывут корабли и плоские баржи. Я понимаю, что еще никогда не чувствовала запах моря настолько сильно, что кружится голова.

И все же, не считая океана, я поняла, какую ассоциацию вызывает у меня первый уровень. Свалка! Свалка всего, что здесь есть: людей, строений, средств передвижения и прочего. Все собрали в одном забытом месте и бросили на произвол судьбы. Мы помним, что нужно выбросить мусор, но не задумываемся о том, что будет с ним позже. Ну а зачем нам это? Точно так же и с этим местом.

Пока мы все стоим у планолета и чего-то ждем, я думаю о прошлом. О своей выдуманной подруге из 2009го. Интересно, а она бывала там, где сейчас находится первый уровень Византии? Тогда привилегированные и обычные граждане ходили по земле, ездили на четырехколесных автомобилях и даже не подозревали, что в будущем можно будет купить себе бессмертие. Все было

просто и понятно, и в то же время так хрупко. Я представляю себя, идущую по улочке того времени, одетую в одежды разных цветов, потягивающую кофе из стаканчика (как это делаю актеры в старинных фильмах) и ярко-желтое солнце отражается в еще не достигших небес высотках. Может, я иду встретиться со своей подругой? А потом мы будем гулять, сходим на веселую вечеринку, а вечером ляжем спать, зная, что однажды жизнь, которую мы имеем, оборвется, и именно поэтому будем ценить минуты счастья.

- Не пустили в Неон, так ты теперь решила, захватить первый уровень? - отпихивает меня в сторону Гера, на пути которой я оказалась. Девушка, чья Церемония Перехода состоится вместе с Афиной, очень скоро.

- Извини. - выдавливаю сквозь зубы я.

Нет! Нужно бы ответить этой невоспитанной девчонке поэффектней, так, чтобы она больше не вздумала ко мне цепляться. Но я как всегда молчу.

Теперь я замечаю, что все ребята моего курса идут к внушительного размера машине, предназначенной для перевозки большого количества народа. И, о Дориан Великий, это, вытянутой формы средство передвижения, стоит на колесах! Это же... дико небезопасно!

Автобус. Я видела пару фильмов, где они переворачиваются и падают в реку. Дикость! Ну что за каменный век?

Возмущенно вздохнув, но так, чтобы не услышал руководитель экскурсии, я плетусь за общей массой в эту «суперсовременную» угрозу аварии. Через пару человек передо мной идет Афина, ее идеальные светлые локоны подхватывает легкий ветерок, и я несколько секунд раздумываю - не окликнуть ли мне ее? Но решаю ничего не делать и просто плыть по течению.

К моему удивлению внутри автобуса чисто и приятно пахнет, наверное, потрудились какие-то наемные рабочие. Чтобы снова не оказаться в компании Августа, я присаживаюсь на самое дальнее сидение, где соседние места уже заняты какими-то болтливыми и хохочущими девчонками, которых я вижу впервые. Можно расслабиться и поглазеть на мир за окошком.

За время поездки до границ города, за которыми уже начинается Окраина, я не увидела ничего интересного. Свалки. Покосившиеся от времени жилища. Одетые в лохмотья люди, изгнанные даже с территории первого уровня. Я могу только представлять, что ждет меня на Окраине. Думаю все легенды о том, что за пределами Византии люди превратились в диких животных, вполне могут оказаться правдой. И сейчас, когда я еду в старинном автобусе по реальной земле, я начинаю чувствовать себя некомфортно. А что если целое стадо одичавших людей накинется на нас и разорвет в клочья? Наш гид нам точно не поможет, а ведь кроме него и водителя, нет никого из старших.

Все мои представления (уверена, как и многих других ребят) рушатся, стоит нам только въехать на мост, соединяющий Византию с материком. Я вижу скошенные поля пшеницы по ту сторону Бессмертного города, вижу рыболовные суденышки, пришвартованные к берегу, вижу даже людей, трудящихся на территории водяной мельницы. Окраина оказывается вполне пригодной для жизни, что совершенно меня поражает!

По мере того, как наш автобус проникает в центр поселения, нам открывается удивительный мир свободных граждан Окраины. Повсюду бушует многоцветье осени: растения здесь везде и деревья в этом новом мире – единственные небоскребы, а здания не превышают десяти этажей. Улицы на удивление чистые и совершенно свободные от транспорта.

Я заморожена. Мне хочется, чтобы автобус остановился, и нам разрешили, вдохнуть чистейший воздух, пропитанный увядающей зеленью. Но мы едем без остановок, медленно путешествуя по внутренностям Окраины, которая оказалась совершенно не такой, как нам всегда казалось. А что мы, собственно говоря, знали? Нам толком никогда и ничего не рассказывали, как устроен другой мир, не ограниченный законами Византии. Достаточно много из прошлой истории Земли, но никогда о настоящем.

Проезжаем по главной улице – я это понимаю, потому что здесь есть огромная площадь и вокруг вырублены деревья. Так же много маленьких магазинчиков и других заведений для покупателей, Вывески здесь – мечта антиквара! Но что меня удивляет – за всю поездку до центра Окраины нам очень редко встречались местные, а если и удавалось кого-то заметить, люди одетые в черные одежды, пугливо отводили глаза. И пока ребята в автобусе рассматривали жизнь за окнами, я продолжила тщательно высматривать странности.

Первое что мне удалось увидеть – Стражи. Очевидно они из числа Бессмертных, так как на руках у них электро-перчатки. Стражи следят за порядком на Окраине? Так было всегда, или началось совсем недавно? Кое-что в моей голове из числа непонятных деталей, вдруг прояснилось, и я сделала вывод: скорее всего Окраину постигла та же участь, что и Олимп.

Восстание!

Сердце уходит в пятки. Как неожиданно мои опасения оправдались. Война реальна!

Мне захотелось что-нибудь предпринять, поговорить с кем-нибудь. Может быть, даже рассказать обо всем, что я успела узнать. Если повстанцы с Окраины начали военные действия против Византии, тогда почему я не вижу людей, носящихся с оружием наперевес и выкрикивающих победоносные лозунги?

Что же здесь не так?

Неожиданно желание выбраться из автобуса становится настолько сильным, что я решаюсь подняться с места и подойти с разговором к gidу. Только что ему наплести? Как заставить выпустить меня наружу? Иду по проходу и лихорадочно обдумываю глупости, которые могли бы мне помочь. Скажу, что слышала странный треск, будто бы доносящийся из мотора! Глупость... я даже не знаю, есть ли в автобусе мотор, и как он вообще устроен. А если сказать, что кому-то рядом со мной стало плохо...? Вообще ерунда!

Меня останавливает чья-то рука, когда до места водителя, рядом с которым сидит гид, остается три сидения. Смотрю на задержавшего меня. Я надеялась, что это Афина, но оказывается всего лишь Август.

– Что? – дружелюбно улыбаюсь я, даже не думая как странно выгляжу, бродящей по салону автобуса.

– Можно с тобой? – спрашивает он, не отпуская моего запястья. Не имею представления, что он имеет в виду, и удивленно на него тарашусь. – Ну, ты же хочешь отпроситься по нужде?

Стараясь не показать своего удивления, я облегченно киваю и позволяю ему идти за собой.

Вот оно, и так просто! Сказать что мне срочно нужно в туалет. И ведь у гида не останется другого выбора, как выпустить меня. Но только, что даст мне эта мини-свобода? Найду ли я там, хоть один ответ на вопросы о том, что происходит.

Уловка про нужду срабатывает и, когда автобус достигает конца переулка, нам разрешают ненадолго покинуть салон и осмотреться. Вместе с нами из автобуса выходят еще парочка ребят, в их числе и Афина, другие не отваживаются бродить по территории Окраины.

– Думаю можно туда. – указывает Август на узкий проход между двумя трехэтажными зданиями, где впритык стоит с десяток мусорных баков.

Я киваю и припускаю на другую сторону улицы от автобуса. Наполовину преодолев путь, я понимаю что нервничаю; знакомые голоса ребят стихают, и на меня давит опустошенность незнакомого города. Позволяю себе оглянуться, когда оказываюсь у прохода, в котором якобы должна справить малую нужду. Августа нигде нет, должно быть выбрал себе какое-то другое укромное местечко. Я осталась одна. Никто не присматривает за мной.

Не понимая, зачем это делаю, я иду в темный проулок между домами. К счастью ход не заканчивается тупиком – напротив, за зданиями я вижу старые рельсы, по которым когда-то ездили таинственные поезда. Именно такими я их себе и представляю! Такого вида транспорта уже давно нет. Руководствуясь только любопытством, я иду к заброшенной железной дороге. Она начинается где-то в глубине леса и уходит вдаль к обрушенному мосту на юго-западе. Несколько минут я просто смотрю на панораму перед глазами, пробуя на вкус новые ощущения тишины и неопределенности.

Вау! После шумной вершины Византии, сойти на землю и увидеть мир таким, какой он был, какой он есть – это неопишуемые эмоции. Холодный, по-настоящему осенний ветер, набрасывается на мои голые плечи и бесцеремонно лезет под платье. Но я не могу пошевелиться или, наконец, заставить себя вернуться, обратно, к автобусу. Что я делаю? Я будто чего-то жду?! Немыслимо! Чего?

Почему-то шагаю к железнодорожным путям и застываю посередине. Дорога, которой уже никто не пользуется, вдруг кажется мне путем, который куда-то может меня привести. Снова дует ветер и уже куда сильнее. Смотрю на начало и конец железной дороги и неожиданно понимаю, что так меня захватило: ощущение свободы! Там, наверху, в Византии я и шагу, будто не могла сделать, жила под тяжестью правил и строгих законов, могла выбрать, по сути, только то, что хочу съесть на завтрак! А здесь, стоя под шквалом осеннего ветра, утопая по щиколотку в сухой траве облюбовавшей железную дорогу, я впервые ощущаю себя абсолютно свободной. От этой сладкой мысли кружится голова, внезапный прилив адреналина, заставляет меня побежать куда-нибудь, со всех ног! Я не знаю, что с этим делать...

И тут я слышу звук, похожий на тот, что раздавался во внутренностях автобуса. Готова жизнь поставить на то, что так звучит мотор! Механическое урчание доносится из леса, точно транспорт, что его издает, катит прямо по заброшенным рельсам. Решимость куда-то моментально исчезает, ощущаю, как холодеет в низу живота и сначала медленно, затем срываясь на полную скорость, я бегу в проход между домами.

Урчание мотора за спиной, превратилось в злобный рык, зверь гонится за мной. Я ныряю в проход и натываюсь на мусорный бак, который падает на землю, выплевывая зловонное содержимое мне под ноги. Чертыхаюсь и машинально оборачиваюсь за спину. Все стихло. Дыхание никак не приходит в норму, я еще никогда ни от кого не убегала. И все же, да бы не выглядеть полной дурой, я даю себе пару секунд, чтобы успокоиться и, перекинув волосы на одно плечо, иду на свет.

И когда я уже вижу автобус, в котором вскоре должна вернуться к спокойной и размеренной жизни в Византии, он начинает двигаться. Я замираю и с открытым ртом смотрю, как транспорт, доставивший меня на окраину, уезжает прочь. Я пытаюсь закричать, но горло пересохло и вместо крика вырывается какой-то скрип. Бегу за автобусом, машу руками, но они уже слишком далеко, чтобы меня услышать, я осталась одна... В этом диком, брошенном всеми городе! И не успеваю я зарыдать, как слышу смех – представьте себе смех! – смех у себя за спиной.

Оборачиваюсь и вижу Августа прислонившегося к кирпичной стене, одного из домов. Я чувствую облегчение и, тяжело дыша, иду к нему, но выражение странного спокойствия у него на лице, заставляет меня задуматься: а что здесь

происходит?

- Да не переживай ты так, ничего плохо с тобой не случится. - говорит он. Что за невнятное обещание?

- Они что, не заметили, что мы не вернулись? - спрашиваю я, хочу, чтобы голос звучал рассерженно, но получается как-то пискляво и уж очень напугано.

- Наверное. - почти безразлично подтверждает он, поправляя съехавшие вниз по переносице очки. Зачем-то заглядывает в проулок.

- Август, нам нужно... - я не договариваю, потому что проследила за его взглядом и увидела красную машину, припаркованную прямо на рельсах.

Все внутри меня леденеет, когда из темноты переулка к нам навстречу выходят двое парней во всем черном. Один из них мускулистый, а другой худее и с огромными глазищами - оценивающе на меня смотрит.

- Это точно она? - спрашивает стройный, наконец, выпустив меня из плена своего изучающего взгляда.

Он что обратился сейчас к Августу? Они знакомы?..

- Да, дочь Организатора. - уверенно отвечает мой старый знакомый, очевидно упоминая об отце.

- Тогда мы забираем ее с собой. - бескомпромиссно заключает большеглазый парень, и они с другом шагают ко мне.

Глава 5. Лео

Когда я впервые увидел ее, там, стоявшую на старых рельсах, пошатывающуюся от порывов холодного ветра, мне инстинктивно захотелось ее спасти. Спасти?

Да, будто она погибала там, одинокая, растерянная, думающая какой же путь ей выбрать. Я знал, что должен сделать: забрать девчонку, потом доставить ее в безопасное тихое место и поставить ее отцу ультиматум. Либо он делает то, что ему велят, либо я сделаю его абсолютно одиноким. Но когда я увидел ее настоящую, продрогшую и напуганную, мне стало не по себе, от хладнокровности и беспринципности, с которыми я пошел на сделку с Саванной.

Доносчик – старый знакомый Спартака еще со времен, когда они с семьей жили в Византии – сделал все, как и обещал: без шума доставил девушку к нам. Оставалось лишь схватить добычу, как говорится. Но никакая эта не добыча оказалась! Просто хрупкая светловолосая девчонка, преданная другом и брошенная на растерзание Смертным. Я тут же проникся ненавистью к этому знакомому Спартака, Августу! Насколько я знаю, он не слишком-то долго упирался и за особое вознаграждение, согласился стать соучастником похищения. Загнал ее в тупик, уж и не знаю, что он ей там наплел, но девушка оказалась в том месте, где и задумывалось.

Да только что-то с ней было не так...

Поначалу, когда мы только вывернули из леса и из-за веток я мог видеть верхнюю часть туловища девушки, я подумал, что предатель-другок ее напугал и она, удирая, ищет место, где бы спрятаться, но неизбежно приближаясь к ней, стал сомневаться. Да, она выглядела растерянной, но совсем не паникующей. Поначалу. Сжатые кулачки, плотно сомкнутые губы, решительный взгляд, словно она... Вздумала бежать? Не от нас, похитителей, о которых еще и не догадывалась, но возможно отчего-то более серьезного и не такого очевидного. А этот свирепый, осенний ветер все накидывался на ее маленькое хрупкое тельце, но девушка продолжала героически не замечать порывов.

Время одновременно и замедлилось и как-то странно ускорило, мы были все ближе, а я только начал ощущать, как все внутри меня переворачивается при осознании всей бесчеловечности поступка, который я вскоре совершу. Она ведь совершенно ни в чем не виновата, все эти заговоры, безжалостные ходы пешек и королей ради бессмертия, ложь, драки, жестокость! Чудовищная мясорубка, в чьи жерла я должен ее столкнуть.

Все было кончено для нее, когда мы со Спартаком шли ей навстречу из переулка. Удивленными, полными возмущения глазами девушка смотрела на Августа, предателя, продавшего ее за шанс попасть на Церемонию Перехода.

Хотя он и из богатенькой Византийской семейки, ему нужны деньги, чаще всего даже таким, как он, не хватает средств для обретения бессмертия. И вот результат – парнишка идет на предательство, поставив жизнь приятельницы под удар, лишь бы остаться в вечности.

Думаю, она тут же все поняла, стоило ей лишь всмотреться в лицемерную физиономию Августа, больше тут и говорить было не о чем. Теперь она смотрела лишь на меня. Проницательным, вдумчивым взглядом, словно оценивая, сможет ли меня одолеть. Такая хрупкая, но храбрая! Я думал, что придется ее тащить на себе, может даже вырубить (когда я ехал в машине и думал об этом, это казалось нормальным), но девушка все поняла и просто пошла за мной, иногда оборачиваясь на Спартака, что шел последним.

Я видел ее впервые, до того момента мне вообще было наплевать, что с ней будет, но когда я чувствовал на спине ее испытывающий взгляд, мне хотелось бросить всю эту затею и найти кого-то другого на роль пленницы. И мне совершенно не понятно почему. Вот живу я себе и живу, иду на сделку, из-за которой мне необходимо быть «плохим» парнем и похитить дочь Организатора Церемонии Перехода, вижу цель, вроде бы достигаю ее и тут бы просто следовать плану, но ее глаза (которых я даже не вижу) заставляют меня сомневаться, а это очень плохо. Это чертовски хреново!

Захватить объект. Доставить в назначенное место. Получить желаемое. Вот как все должно быть. Какого черта я готов пойти на попятную?

Оказавшись возле Импалы, брошенной на рельсах, Август заметно занервничал, стал интересоваться, все ли он сделал как надо, и будет ли ему выплачено обещанное. Я начал загораться, приступ гнева набирал свою силу. Лучше бы ему замолчать и убраться отсюда подальше...

– Парень, ты выполнил свою часть сделки, теперь просто успокойся. – осадил очкарика, Спартак. Я всегда удивлялся его выдержке.

– Сами знаете, что девчонка не из простых, а я пошел на ужасный риск, помогая вам...

– Заткни пасть, понял? – перебил его я, демонстрируя сжатые кулаки, дабы он понял, что я на приделе. – Ты сделал это ради себя! Ты просто еще один

засранец, готовый пойти на все, лишь бы обеспечить себя Ядом.

– Но мои деньги... – начал он, но когда я сделал пару шагов ему на встречу, замолчал и потупил взгляд. – Вы тоже мало смахиваете на героев. – буркнул он себе под нос и поспешно сел в машину, на пассажирское сиденье рядом с девушкой.

Я и Спартак не спешили продолжать путь, мы дышали прохладным воздухом и носками ботинок пинали мелкие камушки возле старых рельсов. Молчание затянулось надолго и когда стало понятно, что нужно что-то предпринимать дальше, Спартак заговорил первым.

– Как-то все странно вышло, да?

– Главное что начало положено.

– Ты как-то не особо воодушевлен!

– Мы похитили человека и намереваемся требовать выкуп у ее отца, причем тут воодушевление?

– Но... Когда мы сделаем это, Саванна поможет тебе найти сестру... И твоих родителей. Не в этом ли суть всего дерьма?

– Да. Да... Только вот она странная, не думаешь? Наша пленница! Идет за нами, как будто мы ее старые друзья, беспрекословно садиться к нам в машину, будто мы ее на пикник хотим отвезти. Не выкинула бы чего...!

– Ее зовут Аврора. И да, она немного того! Но миленькая.

Спартак дернул плечами, словно говоря «ну и какого хрена тебя это беспокоит?», и нырнул в машину. Вот я и задумался, а кого хрена меня это беспокоит? Аврора... Ну и имена у них в Византии, дурдом! Выпендрейники чертовы.

И мы просто поехали, оставляя центральную площадь Окраины где-то в стороне, трясясь на заросших сорняками рельсах и думая каждый о своем. Я лично

размышлял о своих чувствах (не перевариваю этого слова) к Саванне, думая о том, что же все-таки меня к ней тянет? И углубляясь в эти размышления, ощущал лишь нервозность и почти болезненное притяжение. Мне нужно иметь ясную голову, не засоренную всякими там чувствами, и от нечего делать стал наблюдать за пленницей. Авророй.

И я просто обалдел от увиденного. Эта девчонка где-то нашла старый тетрадный лист и как ненормальная что-то на нем строчила старой, шариковой ручкой. Невероятно! А я-то думал, она вообще не знает, что такое «письменность», сидела всю жизнь в своем небоскребе и только и умела, что тыкать в свою электронику, а она... Она похищена! Но сидит, и строчит кому-то письмо. Цирк.

Попытался смотреть только на дорогу, но взгляд, то и дело поднимался на зеркало, отражавшее Аврору. Она точно была из числа тех девушек, что ничего не знают о своей привлекательности, потому что, когда-то решили, что не красивы. Я таких встречал и знаете – они сами виноваты, что кроме жалости, к ним ничего нельзя испытывать. Парни, видя таких, неважно с Окраины или Византии, говорят себе: о'кей, она симпатичная, да, но я не хочу тратить время, каждый раз объясняя ей, что она не уродина. Лично для меня уверенность, привлекательнее красоты. Может это, потому что я живу в самой сложной части огромного мира, где выживание – настоящая борьба, и внешние данные мягко сказать, не так важны.

Но я уже каким-то образом простил ей эту «неуверенность», если так можно выразиться, она сумела завладеть моим вниманием. Да и наблюдая за ней на протяжении всего пути (а направляемся мы к дому моих хороших знакомых, что неподалеку от моста разделяющего Окраину и Византию), я сделал вывод, что поспешил с ее оценкой. Аврора была молчалива, и я принял это за неуверенность в себе, но наблюдая за ней, понял, что она скорее отстраненная. Выбирающая одиночество, и это сделала ее похожей на меня.

Мне так же, как и ей, не нравится знакомиться с новыми людьми, еще хуже, если предстоит находить с ними общий язык и искать бесконечные темы для разговоров, чтобы не повисало неловкое, унижительное молчание. Как же это раздражает! Словно находясь в компании людей, мне приходится бороться с собой, даже притворяться, чтобы они не сочли меня социопатом. Куда лучше иметь только одного, проверенного временем друга, а всех остальных записать в знакомые. Даже Саванна... Не могу назвать ее своим другом, она является кем-

то особенным для меня и, называя ее «особенной», я не говорю, что это хорошо и прекрасно!

Я полностью сосредоточен внутри себя, что позволяет мне внимательно следить за происходящим вокруг, заострять внимание на деталях, не тратя время на мысли о том, как я выгляжу в глазах людей. Думаю именно из-за подобной закрытости, большинству я кажусь безучастным и даже эгоистичным. Когда девушки обращают на меня внимание, они видят отстраненность и принимают ее за агрессию. Большинство не дают мне шансов раскрыть себя, да это в принципе мне и не нужно.

Так что же с этой Авророй? Неужели она такая же, и внутри нее бушует настоящий вулкан, который день за днем она пытается погасить? Что за странность сделала ее действительно замкнутой? Спартак назвал ее «милой». О, Боже! Вечно он несет несурезицу, такой весь из себя галантный кавалер, принц на белом коне – эта забавно. Наша с ним разница. Но «милая»? Нет. Я бы назвал ее сексуальной! Все дело в ее взгляде, она словно для маскировки напускает на себя застенчивость; выгоревшие на солнце пряди падают на лицо, глаза невинно опущены, но когда она вдруг, будто невзначай, смотрит на тебя, ощущаешь сильнейшее желание оказаться рядом и защитить. Такой вот первобытный, мужской инстинкт.

Сколько там секретов и истинных мотивов в ее взгляде? Как наваждение, вдруг начал чувствовать желание поговорить с ней и что-нибудь узнать о ее жизни. Никаких там дурацких чувств, любовной ерунды, ничего такого! Просто мне стало вдруг интересно узнать ее.

И вот мы все продолжаем ехать, используя в качестве путеводителя, заброшенную железную дорогу. Я кручу руль, иногда посматривая в висящее перед глазами зеркало, рядом негромко всхрапывает Спартак, облокотившись о пассажирскую дверь, а парочка из Византии сидит, молча позади. Аврора дописала свое письмо кому-то и сейчас просто смотрит в окошко, но не бездумно, как обычно делают когда скучают, а с интересом разглядывая окрестности.

Мы уже проехали большую часть пути, по дороге нам редко встречались жители Византии, но очень часто (особенно когда проезжали густонаселенные районы) видели последствия восстания. Или лучше сказать нападения, потому что Стражи именно напали на Окраину и заставили людей бежать из собственных

домов. Брошенные на улицах тележки с одеждой, бутылки с питьевой водой, кресла и даже старое пианино. Словно люди бежали от смерти, но она щелкнула своими костлявыми пальцами, и все они исчезли.

Больно было видеть такое, к горлу подступил комок, но, конечно, я не позволил себя заплакать, хотя признаться честно – такое вынести нелегко. Тогда я взглянул на Аврору в зеркальце: она испуганно прижимала пальцы к дрожащим губам и все плакала, плакала без остановки, то смотря на пустынные улицы, то что-то дописывая на тетрадном листке.

Проезжаем ворота, ведущие в пригород, где находится дом – там мы сможем переночевать, и оттуда отправимся в Византию. Конечно, мы могли бы действовать без остановок, но я хорошо осведомлен и знаю, что ночью мост охраняется слишком дотошно, учитывая и то, что совсем недавно случилось восстание. Идти следует рано утром, когда охрана будет менее бдительна из-за усталости и драгоценные пара минут, позволят нам проехать по мосту и попасть в Византию.

Идея сделать остановку перед вылазкой в Византию, почему-то начинает мне нравиться. Я не хочу этого признавать, но мне хотелось бы перекинуться с Авророй парой слов, о том о сем. Мне очень хочется услышать ее голос, понять, какие слова она подбирает для конструирования диалогов, видеть красивые серые глаза напротив.

Проезжая по узкой лесной дороге, я одергиваю себя, заставляю сосредоточиться на деле и немедленно перестать думать о похищенной девчонке странным образом вызывающей симпатию. Это вообще глупо, это не стоит и одной потраченной мысли! Мне и, правда, некогда строить романтические иллюзии, слишком эгоистично, учитывая, что моя сестренка в руках у каких-то ублюдков.

Окруженный хвойным лесом, нас ждет величественный особняк, даже немного пугающий. Он пуст, те, кто в нем живут (жили) покинули его накануне. Герда и Самуэль. Старые друзья моего отца, в детстве я часто гостил у них, и проводил немало времени, блуждая по здешним лесам. Вообще-то Герда и Самуэль (дядя Сэмми как я его звал) были мне за бабушку и деда, они старше моих родителей и, наверное, тоже считали меня внуком. Своих детей они потеряли, точнее их похитили пару десятилетий назад. Как и многих других на Украине.

Как только я остановился у каменно крыльца на подъездной дорожке, сотни обрывочных, успевших потерять цвет и четкость воспоминаний заполнили голову.

Я в разном возрасте – сначала один, затем рядом Руфь. Мама и отец едут на велосипедах, мы с сестрой за их спинами, прохладный вечерний воздух, напитавшийся хвоей, окунает нас в свои потоки, и на сердце мне как никогда спокойно, знаю, что дома у дяди Сэмми и тети Герды нас ждет вкуснейших ужин и ничего не может случиться...

Я знаю, что некоторое время выгляжу глупо, стоя у крыльца и не делая первых шагов. Пленница, Август и Спартак ждут моих указаний. Конечно, мне хотелось бы еще хоть ненадолго уйти в теплые воспоминания о том, когда все еще было хорошо, но теперь я человек, несущий ответственность, и я не могу уделять сентиментальностям большее количество времени.

Ничего не говорю, жестом приглашаю гостей заходить внутрь, а сам невольно обращаю внимание на то, как Аврора с интересом разглядывает старинный особняк, оббитый декоративной черной древесиной. Эту девочку в «белом» пугает черный дом? Она осторожно поднимается по ступенькам и вслед за Спартаком входит в дом через незапертую дверь, родители все же успели предупредить Самуэля и Герду о моем дельце.

Я вхожу последним и замечаю недовольные выражения на лицах всех, даже на лице Спартака. И очень скоро, я понимаю что к «недовольству» эти выражения не имеют никакого отношения. К сожалению, гости скривились из-за тошнотворного запаха гнили.

Если ты не знаешь, как пахнут разлагающиеся трупы, то тебе и не понять, насколько страшен этот запах. Это не отвращение к самим мертвым, это ошеломляющее осознание неотвратимости случившегося, что означает лично для тебя самого одно – я тоже когда-то буду так вонять.

Передо мной узкий коридор, слева лестница с покосившимися от времени перилами, перед глазами проход в кухню и закрытые двери гостиной справа. Делаю несколько шагов по направлению к лестнице и задерживаю дыхание от увиденного: на краю площадки второго этажа лежит лицом вниз дядя Сэмми, в правой руке он сжимает охотничье ружье. Я прекрасно понимаю – он мертв,

запах говорит сам за себя, но все же, я иду к его телу, не позволяя остальным следовать за мной. Лесенки скрипят под ногами, звук кажется оглушающим в полной тишине дома, хочется остановиться и не продолжать идти, но я поднимаюсь.

Вижу то, чего так боялся: тетушка Герда мертва, она лежит в пяти шагах от супруга, бледное лицо смотрит в потолок, рот раскрыт в беззвучном крике. Я вмиг ощущаю себя больным, мне хочется схватиться за периллы, чтобы не упасть, но я не могу показать остальным, что сломался, поэтому делаю то, что могу – иду дальше.

Оказавшись на площадке второго этажа, для формальности, проверяю пульс у трупов. Они уже окоченели, должно быть их убили вчерашней ночью, и когда я приглядываюсь повнимательней, замечаю, что на одежде и телах есть следы возгорания. Это были Бессмертные, должно быть старики не пожелали уходить из родного дома, просто потому, что у них не было другого и в их возрасте гнезда не покидаю, и еще потому, что знали – их Леонард нуждается в помощи. И вот их нет, как нет моих родителей и Руфь.

Я собираюсь позвать Спартака, чтобы он присмотрел за византийцами, пока я буду выносить тела на улицу, но слышу шорох в спальне. Тут же поднимаюсь на ноги и как можно тише иду на звук. Готов поспорить, что один из Бессмертных засранцев попался в ловушку, потому что дядя Сэмми умер с ружьем в руке.

Дверь в спальню стариков приоткрыта, и оттуда по-прежнему доносится шорох, я прислоняюсь к косяку и с доступного ракурса рассматриваю комнату. Внушительных размеров платяной шкаф, в котором мы с Руфь прятались в детстве, весь прошит пулевыми отверстиями – значит, дядя до последнего пытался остановить напавшего, но уйти они с тетей не успели. Позволяю себе еще немного наклониться и, наконец вижу того, кто убил дорогих мне людей.

Кукольная рожа пытается раскрыть оконную ставню, наверное, решив спрыгнуть, лишь бы добраться до своих, а уйти обычным способом он не может, так как его отстреленная фарфоровая нога валяется у кровати.

Я могу больше не таиться и спокойно, как всегда чувствуя поток разливающегося по венам гнева, вхожу в спальню и в два шага оказываюсь за спиной Бессмертного. Парнишка в белой форме с нагрудным знаком в виде

державшей яблоко руки, с удивлением оборачивается, и я вздрагиваю, увидев его лицо. Половина нижней челюсти снесена, трещины от разбившейся кожи расползлись до самых глаз, а левое ухо свисло над плечом и не понятно как оно вообще держится. Он должен чувствовать страх, это должно отразиться в его взгляде, но он пуст и бесчувственен. Значит правда, что о них говорят – после приема яда на Церемонии Перехода, они на время лишаются любых эмоций, становятся обычными куклами, чьи отравленные сердца продолжают биться.

Я хватаю Стража за горло, хочу открутить ему башку, но вот держа его жизнь в своих руках, задумываюсь: да я ненавижу его и ему подобных всем сердцем, я зол, я только что узнал, что потерял еще двоих близких людей, но убийца ли я? То есть они, конечно, уже не люди, но даже лишить существования Бессмертного, требует перехода какой-то запретной черты. Первородный, фундаментальный запрет, до последнего удерживающий меня от убийства. Я, безусловно, не самый святой парень на земле, я вспыльчив и даже временами жесток, часто дрался, а сегодня вообще похитил девушку, но я не могу решиться отнять жизнь у Стража.

– Что ж ты натворил...ублюдок. – смотря в яркие стеклянные глаза, говорю я, но он не сможет мне ответить, не хватает нижней челюсти!

А потом я кое-что придумываю, такое от чего мне и смешно и страшно одновременно.

Ирония в том, что Бессмертные не могут умереть от естественных вещей – болезни, кровопотери, переохлаждения или асфиксии, им, конечно, можно оторвать голову ну или вырвать сердце, но, в общем, они долгожители! А вот поместить их между жизнью и смертью я могу, тем самым заставив долго мучиться.

Что я придумал?

Командую Спартаку отвести Аврору и Августа на кухню и накормить, а сам возвращаюсь в спальню, хватаю Стража за уцелевшую ногу и тащу вниз. Никто ничего не замечает, и я оказываюсь с кукольной рожей на крыльце.

Почти стемнело, загорелись первые звезды и в воздухе виден пар от моего дыхания. Я бросаю взгляд на Стража и вижу, что он не дышит, но жив. Черт

знает что! Я волоку его за собой на задний двор к забору, у которого дядя Сэмми вырыл внушительных размеров пруд, раньше он разводил рыбу, и иногда они с отцом рыбачили. Вода темная как небо над головой, кажется, что очень глубоко, но я знаю – не больше трех метров. Этого достаточно, Бессмертному с одной ногой ни за что не выбраться.

И вот, я чуть поднимаю его с земли и как мешок с мусором выбрасываю в воду. Раздается всплеск, и фарфоровое тело вечно живого Стража опускается на дно пруда и, думаю, уже навсегда. Какое-то время я смотрю на поверхность воды, представляю, что вот сейчас появится бледная скрюченная рука Стража, или хотя бы пузырьки воздуха, но нет никакого движения. Прислушиваюсь к звукам леса за невысоким забором, где-то в глубине чащи ухает сова и тут и там слышны звуки живой природы. Вслушавшись достаточно хорошо, я разбираю шум, доносящийся с моста до которого полчаса езды на машине. Что бы это могло быть? Я думаю, Стражей зачем-то поспешно эвакуируют с Украины и, возможно, они даже насовсем покинут здешние места, что, безусловно, хорошо для нас. Утром путь будет открыт.

Стоять и просто слушать звуки больше нельзя, есть очень важное и очень неприятно дело. Похороны стариков. Мне больно от мысли, что придется закопать их недалеко от дома, как каких-то домашних животных, которым вроде бы не положено устраивать полноценную панихиду, но у меня просто нет другого выбора. Все не должно было сложиться именно так, они еще имели силы жить и право узнать, что случится с их родным городом!

Около двух часов мы со Спартаком роем могилы, уставшие, потные, обессиленные, мы позволяем себе только несколько раз передохнуть, а потом снова беремся за лопаты. Когда мы опустили тела в ямы, и настало время закапывать стариков, мне в голову пришла мысль позвать Августа и Аврору, чтобы они взглянули на то, к чему привел византийский режим и всеобщее желание заполучить бессмертие – примера нагляднее не отыскать – но я все же не решился, в большинстве из-за девушки. Почему-то именно ее мне не захотелось награждать ночными кошмарами.

Итак, около четырех утра все закончилось, и мы отправились отдыхать.

Я открываю окна на первом этаже, дабы сквозняк, хоть немного разогнал трупный запах и к счастью, это помогает. Все вчетвером устраиваемся в гостиной, кто где. Спартак и Август развалились в креслах, натянув клетчатые

пледы до подбородков, а Аврора на правах единственной дамы заняла кожаный диван с высокой спинкой. Я сел на пол возле нее. Она так ничего и не сказала, поэтому я подумал, что может она, готовит план побега и решил, что правильнее держаться к ней как можно ближе.

Подтянув колени и положив на них локти, я пытаюсь задремать, спиной ощущая – Аврора не спит. Невыносимое молчание нарушает посапывание Спартака, но меня все равно не покидает ощущение, что я должен что-то сказать девушке у себя за спиной. Она ерзает, постоянно, то скидывает, то снова укрывается пледом, думаю ей очень не комфортно засыпать в новом, необычном месте. От этого молчание и ее беспокойности, еще не родившиеся даже в сознании слова, обжигают язык, хотят сорваться с губ. Но что ей сказать? Я хочу ее уговорить и в то же время не напугать слишком сильно. Какая-то нелепая ситуация, как будто бы все и без того не сложно.

Не нахожу слов для пленницы в холодном доме, где еще пахнет трупами!

– Если ты замерзла, могу принести одеяло из спальни. – вот что я говорю ей, сдавленным сухим голос, отчего он наверное кажется недоброжелательным.

– Нет, спасибо. Все хорошо. – отвечает она, мягко, даже слишком.

Да что с ней такое? Где ненависть, что я должен у нее вызывать, или хотя бы какое-то проявление неприязни.

– Я мешаю тебе спать? – вдруг продолжает она разговор.

– Да! – сам не понимаю, почему отвечаю ей слишком резко и так поспешно.

Мы больше не заговариваем, а спустя примерно минут тридцать усталость наконец-то берет верх надо мной и я засыпаю. И я благополучно проспал бы до самого утра, возможно даже увидел бы какой-то хороший сон, способный на время отвлечь меня от всего происходящего дерьма, но меня разбудили.

Я открываю глаза и понимаю, что прошло совсем немного времени с нашего короткого разговора с Авророй, но не подаю вида, что проснулся. Секунда требуется мне на то, чтобы понять, что выдернуло меня из сновидения.

Она, Аврора, кончиками пальцев прикасается к моим волосам, и я не понимаю, что мне делать, но не останавливаю ее.

Глава 6. Аврора

Моей дорогой подруге.

Ну вот, это снова я, моя дорогая. Ты не представляешь о скольком мне нужно тебе рассказать! В автомобиле моих похитителей (об этом позже) я нашла двойной тетрадный лист, правда он испачкан в каких-то масляных пятнах, но думаю, ты сможешь разобрать, что я пишу. Итак, первое – я врезала Парису по физиономии, да так сильно, что до сих пор ощущаю боль в костяшках пальцев, но это не главное, а важно то, что путешествие на Окраину, оказалось для меня фатальным, я даже думаю, что больше не увижу Византию и знаешь что? Я не уверена, что мне это не нравится.

Немыслимо, но я, именно я – замкнутая, ничем не примечательная, ничего не стоящая девушка, вечно опекаемая отцом, оказалась в центре какого-то совершенно не понятного мне заговора. Мой приятель Август (мелкий очкастый подонок!) заключил сделку с двумя парнями с Окраины, и они меня похитили! Уау! Кто бы мог подумать...

В этот самый момент мы едим по старым железнодорожным путям, нас окружает осенний лес, и думаю, скоро пойдет дождь или мокрый снег. Окраина абсолютно не такая, как я думала, здесь есть дома, магазины, даже центральная улица и многое другое, что не дает думать об этом месте, как о логове первобытных людей, только и ждущих момента, как бы меня зажарить и съесть. Моя дорогая подруга, все оказалось куда трагичней и серьезней.

Все как будто исчезли в один момент, этих людей заставили покинуть родные места, потому что... Я сама не знаю почему, но из разговоров парней, я поняла, что это сделали Стражи, а соответственно руководит «зачисткой» Византийское правительство. Огромное разорванное в клочья полотно правды, понемногу начинается соединяться; мой отец Организатор Церемонии Перехода, но как к

таковому действу, он имеет посредственное отношение. Насколько я знаю, отец ведет отчет о перечисленных на счет правительства деньгах и дает «добро» на участие граждан в Церемонии. По сути, он единственный человек, который может позволить кому-то попасть в зал Перехода, и думаю, именно поэтому похитили меня.

Да уж... Вот, когда я пишу эти строки тебе и смотрю как бы со стороны трезвым прагматичным взглядом, ничего романтического в моем похищении не остается. Чей-то циничный расчет. Но не думай, что я сошла с ума окончательно и просто позволяю себя использовать, подвергая отца опасности, совсем нет! Пока я с похитителями за чертой Византии, мне ничего не угрожает, меня берегут как особо ценный инструмент, и я хорошо играю свою роль, но как только придет нужный момент, я сбегу. Мне нужно время, чтобы узнать как можно больше о замысле тех, кто меня похитил, и собрать всю возможную информацию о восстании на Украине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/roman_mishel/vremena-bessmertnyh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)